

Содержание

Введение	3
Глава 1. Образ японцев в высших эшелонах, среди офицеров и в народе, и как этот образ формировался.	12
1. Основные направления формирования общественного мнения	12
2. Образ Японии и японцев в общественном сознании населения	25
Глава 2. Трансформация образа японцев, реакция общества на Русско-японскую войну и возникшие в связи с ней проблемы	34
1. Эволюция и смена алгоритмов официальной пропаганды в ходе войны	34
2. Война в сознании широких слоев населения России	41
Заключение	58
Список использованных источников и литературы.....	65

Введение

Актуальность темы.

Русско-японская война 1904-1905 гг. с самого начала привлекла к себе пристальное внимание исследователей. Внешнеполитическая ситуация кануна конфликта, борьба различных группировок вокруг вопроса о проникновении России в Корею и Китай, состояние русской армии и флота перед и в период войны, ход боевых действий, причины наших неудач — вот круг тем, которые чаще всего поднимают исследователи. При этом на периферии исследовательского внимания оказался один из интереснейших и, безусловно, очень важных аспектов войны — влияние войны на общественное сознание России. Между тем, исследование общественного сознания, общественного мнения периода Русско-японской войны позволяет глубже и полнее уяснить особенности ведения войны со стороны России и ее итоги, трансформацию массового сознания за годы войны, в условиях, когда состояние революционной ситуации в стране реализовывалось в полномасштабную революцию.

Весьма важно и то, что в период Русско-японской войны была впервые предпринята широкомасштабная попытка формирования общественного мнения как такового; раскрытие механизмов формирования общественного мнения, анализ выбранной правительством стратегии позволяет по-новому взглянуть на многие события войны, дать им более адекватную оценку. Как представляется, именно провалившаяся попытка правящих кругов продемонстрировать русскому обществу «маленькую победоносную войну», сыграла свою роковую роль в дальнейшем восприятии власти как таковой. На русское общество повлияли не только неудачи как таковые, но и ложь правительства, ставшая слишком явной. Провал стратегии правительства в деле формирования общественного мнения относительно Русско-японской войны могли бы послужить предостережением и в настоящее время, богатое «локальными конфликтами», в которые раз за разом втягивается современная Россия. Весьма интересно в этой связи проследить и эволюцию «образа

врага», изменения в восприятии русским обществом Японии и японцев. А так же почему война, ставшая полностью непопулярной, тем не менее, продолжала оставаться народной по своему характеру.

Не стоит сбрасывать со счетов также проблему взаимоотношений России и Японии. В течение всего XX века эти отношения оставались непростыми, в ходе их накопилось много нерешенных вопросов. Русско-японская война послужила первым актом этой длинной «пьесы», и чем лучше мы будем понимать истоки давних противоречий, тем легче будет искать пути их решения.

Наконец, Русско-японская война интересна как пролог к революции 1905-го года, для которой явилась «спусковым крючком» и «репетицией» дальнейшего пути России. То, что в «малой форме» продемонстрировала война, потом повторится через восемь лет, когда Россия втянется в Первую мировую.

Историография вопроса

В целом отечественная историография Русско-японской войны включает в себя три этапа: дореволюционный, советский и постсоветский. Для первого этапа характерно сосредоточение на военных и прикладных аспектах войны, попытки «свести счеты» (обвинить одних военачальников и возвеличить других). Оценки отношения к войне в общественном сознании и русской общественной мысли в целом соответствовали идейному разлому русского общества по отношению к вопросу дальнейшего развития страны.

Для второго этапа характерна идеологизированная проблематика, подчеркивание империалистического характера Русско-японской войны, классовый подход; в отношении изучения общественного сознания периода Русско-японской войны характерно отсутствие альтернатив, сведение проблемы к деятельности большевистской партии.

В постсоветское время развития отечественной историографии сложились предпосылки формирования интереса непосредственно к проблеме отношения к войне в общественном сознании и мысли.

Подверглись пересмотру положения Историографии советского времени, в которых отношение к войне среди широких слоев населения освещалось однозначно и негативно. Произошло расширение предмета исследования, появились альтернативные точки зрения как на историю Русско-японской войны в целом, так и на ее отдельные аспекты, в том числе отношение к ней русского общества.

Дореволюционная историография: Из обобщающих работ, посвященных изучению Русско-японской войны, выделяются: «История русско-японской войны» под редакцией М.Е. Бархатова и В.В. Функе¹, «Русско-японская война в сообщениях Николаевской академии генштаба»², «Русско-японская война 1904-1905 гг. Работа военно-исторической комиссии...»³, аналогичная работа по описанию действий флота², «Русско-японская война 1904-1905 гг. Действия флота»⁵. Разумеется, в этих работах основной упор был сделан на исследование «боевых» аспектов Русско-японской войны, однако попутно затрагивались и некоторые «дополнительные» вопросы, в том числе особенности мобилизации войск, действия сибирских формирований на фронте и в тылу, вопросы помощи раненым и т.д. Предпринимались попытки объяснить причины, характер и последствия неудач России в Русско-японской войне.

Можно также отметить работы отдельных русских военачальников, в том числе главнокомандующего Маньчжурской армией ген. А.Н. Куропаткина³, а также иностранных военных наблюдателей и советников как при русской,

¹ История русско-японской войны. Ред.-издатели М.Е. Бархатов и В.В. Функе. СПб., 1907-1909. 6 т.

² Русско-японская война 1904-1905 гг. Работа исторической комиссии по описанию действий флота в войну 1904-1905 гг. при Морском генеральном штабе. СПб., 1912-1917. 7 т.

³ Куропаткин А.Н. Задачи России и русской армии в XX столетии. СПб., 1910; Куропаткин А.Н. Отчет ген.-ад. Куропаткина. Т. 1-1У. СПб., Варшава, 1906-1907. 4 т.; Куропаткин А.Н. Записки ген. Куропаткина о русско-японской войне. Итоги войны. Берлин, 1911.

так и при японской армиях (Э. Теттау⁴, Ф. Лигница⁵, Э. Ферри⁶, Я. Гамильтона⁷,

Иммануэля⁸ и др.). В этих работах, носящих полумемуарный, полуисследовательский характер, содержится анализ как боевых операций периода Русско-японской войны, так и руководящего состава русской армии и флота; даны также некоторые аспекты влияния войны на общественное сознание. В качестве причин поражения в войне называются в том числе причины «идейного плана» - непопулярность войны в России, «забитость» и «неразвитость» русского солдата, пагубное воздействие отсутствия критики на положение дел на театре войны и т.д. Среди специальных работ, посвященных вопросу влияния войны на общественное сознание, выделяется исследование Г.Е. Шумкова и К.И. Дружинина .

Советская историография, как уже отмечалось выше, носила идеологизированный характер. В своих оценках авторы повторяли выводы, содержащиеся в публицистических статьях В.И. Ленина. В работах Д.М. Позднеева, Д. Склярова, А.Л. Сидорова, П. Быкова, И.И. Бабикова, Е.М.

4 Теттау Э, фон, барон. Куропаткин и его помощники. Поучения и выводы из русско- японской войны, сост. бароном фон Теттау, состоявшим во время войны при русской армии. С нем. пер. М. Грулев, ч. 1-2. СПб., 1913-1914. 2 т.; Теттау Э. Восемнадцать месяцев в Маньчжурии с русскими войсками. Пер. с нем. ген. штаба полк. Грулева, ч.1-2. СПб., 1907/1908.2 т.

5 Лигниц Ф. Японо-русская война. Соч. ген.-от-инфантерии германской службы Ф. Лигниц. СПб., 1909.

6 Ферри Э. Мукденская операция в условиях современного театра войны. Извлечение из сочинений Э. Ферри «От Мукдена к Нанси». СПб., 1907.

7 Гамильтон Я. Записная книжка штабного офицера во время русско-японской войны ген.- лейт. Гамильтона. Пер. с англ. при участии и под редакцией генштаба подполк. Евреинова и кап. Никольского. СПб., 1907. т. I, т. II.

8 Иммануэль, майор. Русско-японская война в военном и политическом отношении. Пер. с нем. К. Адарида. Вып. 1-4. СПб., 1906. 4 т.

Ярославского⁹ упор делался на исследование империалистических планов и идеологий противоборствующих сторон, большое внимание уделялось отношению к войне со стороны большевистской партии.

Для большинства публикаций был характерен крайне схематичный подход в описании конфликта: сначала показывался ее империалистический характер, затем (кратко) ход боевых действий, далее отмечалось нарастание революционного движения и деятельность большевиков, и, наконец, поражение в войне как закономерный итог кризиса царизма. В том же ключе, но с подробным анализом операций Русско-японской войны написана работа Н.А. Левицкого¹⁰, созданная для военной академии им. Фрунзе.

Исключение из этого ряда составляют работы А.И. Сорокина¹¹, содержащие большой фактический материал и исследование Б.А. Романова¹², посвященное дипломатической истории войны. Б.А. Романовым введена в научный оборот масса ценных первоисточников, подробно анализировалась не только собственно дипломатическая борьба вокруг войны, но и ее причины, ход, политические итоги. В числе прочего затрагивалась тема отношения к войне общества, поданная, правда, в традиционном для советской историографии ключе (автор критиковал позицию- правящих кругов и либералов; отстаивал вывод, что единственно верную позицию по отношению к войне занимала партия большевиков).

9 Позднеев Д.М. Япония: военно-экономическое описание. М., 1924; Скляр Д. Экономическая политика японского империализма в Маньчжурии. Л., 1934; Сидоров А.И. Русско-японская война. М., 1951; Быков П. Русско-японская война, 1904-1905 гг. Действия на море. М., 1942; Бабиков И.И. Русско-японская война 1904-1905 гг. М., 1958; Ярославский Е.М. Русско-японская война и отношение к ней большевиков. М.; JL, 1939.

10 Левицкий Н.А. Русско-японская война 1904-1905 гг. М., 1936;

11 Сорокин А.И. Оборона Порт-Артура. Русско-японская война 1904-1905 гг. М., 1948; Сорокин А.И. Русско-японская война 1904-1905 гг.: военно-исторический очерк. М., 1956.

12 Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895-1907. М.; JL, 1955.

Отдельные исследования были посвящены подвигу «Варяга» (И.И. Пономарев¹³), и выдающемуся русскому адмиралу С.О. Макарову (А. Лурье¹⁴, Б.Г. Островский).

С конца 1950-х - начала 1960-х гг. история Русско-японской войны стала освещаться более интенсивно. Из многочисленных работ этого периода остановимся на тех, где затрагиваются интересующие нас вопросы. Прежде всего, это исследование сотрудников Института военной истории МО СССР под редакцией И.И. Ростунова и монография о русской армии и флоте Л.Г. Бескровного¹⁵. Однако, несмотря на то, что в них содержался ценный цифровой материал, раскрывались многие аспекты по созданию оборонного комплекса страны, по прежнему незначительно была освещена деятельность сибирского тыла, вопросы влияния войны на общественное сознание, либо же они подавались односторонне, в соответствии с классовым подходом.

Постсоветская историография. Общественно-политические изменения, произошедшие в России в 1980-х-1990-х гг., вызвали новый всплеск интереса к войне 1904-1905 гг., изменение многих старых оценок, расширение предмета исследования. Появилось огромное количество исследований, посвященных русскому флоту в годы Русско-японской войны, в том числе его прикладным аспектам, а также причинам Цусимской трагедии (работы А.А. Аллилуева, Н.Н. Афолина, В.Г. Андреевко, П. Веселова, Ф. Громова, М.А. Богданова, Н. Кобелева, Р.М. Мельникова, С.Н. Семанова, А.А. Раздолгина, С.И. Тигушкина, И.Ю. Чернядьевой и других)" .

13 Пономарев И.И. Герои «Варяга». М., 1954.

14 Лурье А. С.О. Макаров. М., 1949.

15 Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX в. М., 1973.

Обширной источниковой базой отличается также новейшее исследование В.К. Шацилло¹⁶, хотя и находится в русле традиционных оценок относительно причин войны (империалистические противоречия между Россией и Японией), ее хода и итогов.

Альтернативную точку зрения на Русско-японскую войну излагают А.И. Уткин и Ю.А. Шушкевич. По мнению А.И. Уткина, на рубеже XIX и XX веков перед Россией встал вопрос определения ее роли в Азии, «тихоокеанской миссии». Однако сил на то, чтобы создавать (и отстаивать) в Азии свой центр геополитического влияния у России не было. Искаженным, по мнению автора, было и само отношение общества к Русско-японской войне: причины поражений искали не в отсталости страны, а в «злом царе», революционные силы, а вслед за ними и все общество, воспринимали армию как оплот самодержавия. Власть не сумела объяснить народу, ради чего Россия сражается, что с самого начала вызвало «разброд и шатание» как в обществе, так и в генералитете. В целом поражение России в войне привело к тому, что сама идея русского господства в Азии была похоронена.

Характерно, что в современной историографии войны большое внимание уделяется ее психологическим и социологическим аспектам. В работе Е.С. Сенявской¹⁷ анализируются факторы, способствовавшие формированию «образа врага» в России накануне Русско-японской войны, и эволюция этого образа в ходе самой войны.

Многие исследователи обратились к теме воздействия на общественное мнение печати, причем как на «гражданское» общество, так и на самих участников войны. Исследовались такие аспекты, как: взаимодействие прессы и военной цензуры (О.Р. Айрапетов, С.Н. Лютов, А.И. Константинов, Д.В. Иванов).

¹⁶Шацилло В.К., Шацилло Л.А. Русско-японская война 1904-1905 гг. (факты, документы). М., 2004.

¹⁷Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006.

Обратились исследователи и к проблеме влияния Японии на русскую революцию, действий русской и японской разведки и контрразведки¹⁸. Главный вывод, который делают авторы: причина поражения в войне не русские воины, а та государственная система, которая привела их к позору проигранной войны.

Сибирскому тылу посвящена серия работ Ю.П. Горелова, из которых наиболее значима монография «Сибиряки на защите Отечества в войнах начала XX века»¹⁹. Рассматривая вопросы мобилизации, организации помощи раненым, семьям запасных, сиротам погибших воинов и др., Ю.П. Горелов констатировал существенные масштабы сибирской благотворительности на нужды армии, исследовал особенности поведения сибиряков на полях сражений и их работу на армию в тылу.

Цель исследования: рассмотреть проблему формирования образа Японии и японцев накануне русско-японской войны 1904-05 гг. и его трансформацию в ходе конфликта.

Задачи работы:

- проанализировать стратегию правящих кругов по созданию образа Русско-японской войны, выделить основные направления и способы формирования общественного мнения;

18 Павлов Д. Российская контрразведка в годы Русско-японской войны // Отечественная история. - 1996. - № 1. - С. 14-29; Павлов Д.Б., Петров С.А. Японские деньги и русская революция. Русская разведка и контрразведка в войне 1904-1905 гг. Документы / сост. И.В. Деревянко. М., 1993; Деревянко И.В. Шпионов ловить было некому: контрразведывательная служба России в период Русско-японской войны 1904-1905 гг. // Воен.-ист. жури. - 1993. - № 12. - С. 51-53; Деревянко И.В. «Белые пятна» Русско-японской войны. М., 2005; Авдеев В.В. Организация военной разведки в годы Русско-японской войны // Русско-японская война и геополитические проблемы современной России. Новосибирск, 2004. С. 93-96.

19 Горелов Ю.П. Сибиряки на защите Отечества в войнах начала XX века. - Кемерово, 2003.

- рассмотреть «образ врага» в общественном сознании, специфику восприятия Японии и японцев в зависимости от социальной принадлежности населения;

- проследить динамику и особенности изменения общественного мнения в период Русско-японской войны, выделить «критические точки» в восприятии войны;

- рассмотреть способы проявления общественного мнения.

В качестве *объекта* исследования рассматривается история русско-японской войны 1904-05гг..

Предметом исследования служит образ Японии и японцев и его трансформация под воздействием данного вооруженного конфликта.

Структура работы.

Дипломная работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

Новизна работы, практическая значимость.

В настоящей работе проанализирован процесс формирования общественного мнения в годы Русско-японской войны 1904-1905 гг. и выявлен его целенаправленный характер. Раскрыты многие аспекты образа Русско-японской войны в общественном сознании, среди них такие, как: восприятие Японии и японцев (образ врага); создание образа героев средствами массовой информации и др. Выявлены крайние пределы формирования позитивного образа войны, методы и направления этого формирования, его результативность. Получены данные об исключительно длительном, в ряде случаев, воздействии на общественное сознание созданных СМИ образах (например, подвиг «Варяга»). Проанализирована стратегия правящих кругов по созданию образа войны, показана смена алгоритмов как официальной пропаганды, так и публицистики. Прослежена эволюция отношения к войне населения, выделены проблемы, оказавшиеся в центре общественного внимания в период Русско-японской войны. Рассмотрены формы проявления общественного мнения. Сделана попытка

системного исследования всего комплекса общественных идей, свойственных русскому обществу в годы Русско-японской войны.

Глава 1. Образ японцев в высших эшелонах, среди офицеров и в народе, и как этот образ формировался.

1. Основные направления формирования общественного мнения

Русско-японская война 1904-1905 гг. вызвала в русском обществе весьма неоднозначную реакцию, поставив перед правящими кругами задачу идеологической обработки общественного сознания в нужном для «верхов» направлении, а именно - создание позитивного образа войны. Основным каналом этой обработки послужила пресса, в первую очередь газеты — как официальные органы, так и монархические и либеральные повременные издания.

Опыт привлечения СМИ при освещении такого трагического события, как война, не был первым - корреспонденты газет присутствовали, например, на полях Русско-турецкой войны 1877-78 гг., но впервые этот опыт был настолько масштабным — при русских армиях во время Русско-японской войны 1904-1905 гг. было аккредитовано 102 русских и 38 иностранных корреспондента. Среди отечественных были известные писатели, публицисты, военные деятели. Так для «Русского Слова» писали Вас.И. Немирович-Данченко и Н.Г. Гарин- Михайловский, для «Восточного Обозрения» и «Русских Ведомостей» - Н.А. Немирович-Данченко (племянник Вас.И. Немировича-Данченко, поручик запаса артиллерии), для «Правительственного Вестника» - В.А. Апушкин (военный журналист, подполковник военно-судебного ведомства) и С. Добровольский (полковник Генерального штаба), для «Нового Времени» - В.Л. Кинг-Дедлов и И.А. Ладыженский (полковник в отставке) и т.д.

Важность обработки общественного сознания вполне осознавалась правящими кругами. Причем если вплоть до 1890-х гг. упор был сделан на «запретительную цензуру», то в дальнейшем административные репрессии сочетались с экономическим давлением и экономическим же «протекционизмом» (лояльной печати предоставлялись разного рода льготы, субсидии и т.д.). Большое значение стало придаваться обработке

общественного сознания именно через частные либеральные издания, использование публицистических, и даже критических статей. Последнее было обусловлено фактом крайней непопулярности «официозной» периодики («инстинктивное недоверие» большинства читателей к правительственным изданиям отмечали многие современники, в частности, П.А.Столыпин).

Прекрасной иллюстрацией к «чаяням верхов» могут служить и слова императора Николая II, сказанные им в феврале 1904 г. в ответ на поднесенный представителями петербургской прессы адрес: «Благодарю петербургскую печать за выраженные в адресе прекрасные чувства. Внимательно следя за печатью последнее время, Я убедился, что она явилась верною истолковательницею современных событий, ее одушевление и проникновение народным духом доставили мне истинное удовольствие. Надеюсь, что и впредь русская печать окажется достойною своего призвания служить выразителем чувств и мыслей великой страны и воспользуется своим большим влиянием на общественное настроение, чтобы вносить в него правду и только правду»²⁰.

Весьма характерен и ответ прессы на «требования момента». Например, «Биржевые Ведомости» в своем верноподданническом адресе написали следующее: «Верная духу родины печать гордится выпавшею ей высокою честью быть вестницей и толковательницей того великого подъема несокрушимой духовной силы, которым ответил русский народ на брошенный ему вызов. Печать преисполнена светлой надежды, что за годиною испытания ее ждет завидная доля летописца нового славного торжества»²¹.

Тем не менее, использование СМИ в «идеологических целях» не было однозначным. С одной стороны, существовали четкие и жесткие цензурные

²⁰Сибирская Жизнь. 1904. № 46 (28 февраля).

²¹ Сибирская Жизнь. 1904. № 54 (9 марта).

установки. Так, согласно циркуляру цензурного отделения при штабе главнокомандующего, не подлежали пропуску в корреспонденции не только сведения чисто военного характера (дислокация и численность войск; расположение и передвижение частей; планы командующего и нижестоящих начальников; подготовка, отправка, следование и прибытие войск; движение судов; состав эскадр; названия корпусов, отрядов и частей и т.п.), но и критические замечания. Согласно циркуляру: «Также не подлежат пропуску описания в сгущенных красках неблагоприятных для нас военных событий и критика действий и распоряжений начальствующих лиц, как могущие вредно отзываться на армии и на народе, из которого армия черпает свои силы»²².

Положение усугублялось тем, что на театре военных действий и в тылу существовало несколько параллельных цензурных структур (частные военно-цензурные комиссии в Порт-Артуре, Инкоу, Ляояне, Харбине, Хабаровске, Владивостоке, Никольск-Уссурийске, Благовещенске, Чите; военно-цензурная комиссия при штабе армии; военно-цензурная комиссия штаба наместника; позже - военно-цензурные комиссии отдельно при каждой из Маньчжурских армий), причем взгляды цензоров на то, что можно пропускать к публикации, а что нет, существенно расходились. Корреспондентские телеграммы, к тому же, подвергались тройной цензуре — сначала на фронте, потом на телеграфе, и, наконец, при просмотре гранок изданий уже в России²³.

На цензуру жаловались все журналисты. Писавший с театра военных действий Вас.И. Немирович-Данченко возмущался, что из 480 глав его «военного дневника» напечатали только 320, причем от многих глав

22 Айрапетов О.Р. Пресса и военная цензура в русско-японскую войну // Русско-японская война 1904-1905 гг. Взгляд через столетие. Международный исторический сборник. М., 2004. С. 343.

23 Константинов А.И., Иванов Д.В. Военная цензура как условие победы // Воен.-ист. журнал. - 2000. - № 4. - С. 22-25.

оставили буквально по одному абзацу²⁴. В.А. Апушкин в предисловии к 1-му изданию своей книги с горечью писал, что говорить правду было невозможно, редакции просили не обнажать недостатки армии: «Ценились только те корреспонденции, в которых рисовались геройские образы генералов, офицеров и солдат. Нельзя не признать, конечно, за этими требованиями долю справедливости. Но в то же время мучительно до боли было видеть причины наших неудач - и молчать о них»²⁵.

Об этом же говорил и Н.А. Немирович-Данченко: «Корреспондент был вынужден или вовсе не писать, или писать о подвигах поручиков и подпоручиков, восхвалять деяния отдельных лиц, кричать о несомненном успехе в будущем, призывать к войне, популяризировать войну». В итоге, по мнению Н.А. Немировича-Данченко, газеты «известного направления» монополизировали патриотизм, а противников обвиняли в измене²⁶.

В целом стратегия правящих кругов в изображении Русско-японской войны была следующей: явить обществу «маленькую победоносную войну», одновременно скрывая любые недостатки в русской армии и на флоте, неудачи, провалы и т.п. Предполагалось, что такая Русско-японская война отвлечет общество от вопросов внутренней жизни и позволит его «умиротворить».

С другой стороны, публика и сама ждала «оптимистических реляций». По мнению исследователя О.Р.Айрапетова, в начале войны были сильны патриотические настроения, но еще сильнее было незнание реалий Дальнего Востока и уверенность в скорой победе над «япошками»: «Настроения первых дней войны не были подъемом национального духа — это была

24Сибирская Жизнь. 1905. № 16 (21 января).

25 Апушкин В.А. Куропаткин. Из воспоминаний о русско-японской войне В.А. СПб, 1908 г. Предисловие к 1-му изданию.

26Восточное Обозрение, 1905. № 74 (6 апреля).

неверная оценка ситуации. Общество ждало легких побед в колониальной войне и не было готово к жертвам». Н.А. Немировича-Данченко считал, что вина за неверное освещение войны (особенно в начале) лежала в том числе и на публике - «потребителе» квази-патриотических газет. Только падение Порт-Артура, «ошеломившее всех своей неожиданностью», вызвало некоторое отрезвление и в обществе, и в прессе²⁷.

Если официозные органы печати субсидировались правительством, то частная печать, особенно в провинции, могла рассчитывать только на себя. Соответственно, она стремилась быть полезной для читателя, ответить на его интересы и запросы, так как именно читатель (подписчик) строил благосостояние газеты как предприятия. Для любой из частных провинциальных (а в какой-то степени и столичных) газет стояла задача найти свою информационную нишу, привлечь к себе читателя с учетом его политических пристрастий, быть востребованной той или иной социальной группой (и чем шире была эта группа, тем увереннее себя чувствовало издание).

Таким образом, ура-патриотические настроения, которыми в начале войны были полны страницы газет, имеют двойную природу: это и воздействие на общественное сознание в определенном ключе («за войну»), и ответ на чаянья публики. Только очень немногие издания смогли избежать шовинистического угара. Редактор «Восточного Обозрения» И.И. Попов, делая обзор прессы за февраль-март 1904 г., с горечью констатировал: «почти во всех один и тот же мотив, подобный Шекспировскому — «крови жажду, крови!» Укоряя издания за кровожадность, редактор «Восточного Обозрения» писал: «Я понимаю, что факт должен быть фактом, и говорить о прекращении и ненужности войны, когда мы в нее уже вовлечены — значит попусту тратить хорошие и гуманные слова, что едва ли соответствует моральному качеству этих слов. Но в такие тяжелые, трагические моменты,

²⁷Восточное Обозрение. 1905. № 74 (6 апреля).

когда все общество сверху до низу идет на всякие жертвы, когда льется братская кровь, кровь наших детей, не место самодовольному бахвальству, не место алчному и праздному любопытству, не место разнузданной бранчивости»²⁸. При этом само «Восточное Обозрение» с самого начала войны сумело демонстрировать весьма прохладное к ней отношение.

Остается упомянуть и об идеологической войне, которая велась в начале XX века на газетных страницах — являясь, разумеется, отражением того брожения, которое охватило все общество снизу доверху. Издания бичевали друг друга - кто за излишний либерализм, кто за махровый консерватизм. Политические разногласия отнюдь не способствовали, конечно, вдумчивому и уважительному отношению к противнику, его пониманию.

Итак, политический заказ «верхов», надежды общества, политическое противостояние - все это с началом Русско-японской войны нашло свое воплощение на страницах газет. В освещении вопросов войны провинциальная пресса шла в фарватере прессы центральной — это вполне ожидаемо. Например, на страницах «Сибирской Жизни», «Восточного обозрения», «Дальнего Востока» мы найдем массу перепечаток и заимствований из таких газет как: «Русские Ведомости», «Московские Ведомости», «Санкт-Петербургские Ведомости», «Биржевые Ведомости», «Правительственный Вестник», «Новости», «Русское Слово», «Русский Лист», «Южный Край», «Северный край», «Сибирский Вестник», «Русь», «Русский Инвалид», «Новое Время», «Одесские новости», «Новости Дня», «Русское Слово» и т.д.) Весь первый год войны последовательно представляли Русско-японскую войну как справедливую, героическую и «в скором времени» победоносную. Издания, отстающие друг от друга на тысячи верст, словно сговорившись, приводили на своих страницах одни и те же (или идентичные) цитаты из центральных изданий, использовали одни

²⁸Восточное Обозрение. 1904. № 59 (10 марта).

и те же приемы обработки общественного мнения, изображали Русско-японскую войну в одном и том же ключе.

Что же предприняли СМИ, чтобы популяризировать войну и способствовать общественному подъему? Первая задача, которая встала перед прессой - доказать обществу неизбежность и необходимость войны. Она решалась тремя путями. Во-первых, показывались объективные причины конфликта: доказывалось, что Русско-японская война отвечает многовековым интересам России, ее движению на Восток, необходима для укрепления наших позиций на Дальнем Востоке, на который теперь стала претендовать Япония; мы отняли у Японии плоды ее победы над Китаем (в Японо-китайской войне 1894-1895 гг.), сделав наше столкновение неизбежным и хорошо, что война началась в момент, когда Япония еще относительно слаба.

Данную позицию хорошо выразил А.С. Суворин в «Новом Времени: мы воюем для того, чтобы никто не смел трогать нас на Дальнем Востоке, чтобы поддержать свой авторитет; причина войны та же самая, которая лежит в истории объединения русской империи; мы можем избежать войны, дать японцам все, что они хотят, но это обратит Россию в данницу монголов, принизит ее национальный дух, рассыплет ее единство в прах. «Мы сражаемся именно за судьбы России, за упрочение ее могущества и всякий это поймет, если сообразит возможные последствия войны»²⁹.

В статье «Русского Слова» говорилось, что война необходима для защиты наших дальневосточных владений: во-первых, России необходим на Дальнем Востоке незамерзающий порт (им стал Порт-Артур); во-вторых, для обеспечения связи с этим портом необходимо наше присутствие в Маньчжурии. Дать Японии захватить Корею и Маньчжурию - значит поставить под удар весь русский Дальний Восток. Таким образом, мы не

29 Новое время. 1904. № 211 (23 сентября).

нападаем - мы защищаемся³⁰. Заметки подобного рода в изобилии появлялись на страницах газет в начале войны и регулярно — в течение первого года боевых действий.

Во-вторых, общество пытались убедить в том, что Япония представляет реальную угрозу, причем не только в отношении России, но и в отношении всей европейской, христианской цивилизации. Страна Восходящего солнца страшна не сама по себе, а тем, что на данный момент является выражением «желтой опасности», то есть того самого панмонголизма, о котором предупреждал еще Вл. Соловьев. В прессе отмечалось, в частности, что если до сих пор великие азиатские страны, Китай и Индия бездействовали, их народы еще как бы не проснулись, то теперь Япония — воинственная, честолюбивая, мечтающая о господстве легко может пробудить Азию и поднять ее на борьбу с европейской цивилизацией. Необходимо упредить эти события, разбить Японию сейчас. Россия в войне сражается не просто за свои интересы, она сражается и за общемировую идею, за интересы всей христианской цивилизации и культуры.

Третьим мотивом, который активно использовался прессой, стало обращение к национальному самосознанию, гордости россиян. Основной тезис, который при этом выдвигался - войну развязала Япония и раз уж она началась, необходимо дать агрессору достойный ответ; Россия не может просто так уступить, а быть побежденной для нее равносильно национальному самоубийству.

Даже в тех случаях, когда автор статьи вспоминал о горькой цене победы, сама ее необходимость не ставилась под сомнение: «Победа, даже самая головокружительная, нам ровно ничего не даст существенного, ничего не прибавит ни России, ни русскому имени. Результат, в лучшем случае — одни страшные, вознаградимые потери людьми и материальные. И все-таки эта победа нам нужна. Победа во что бы то ни стало! Нам нет надобности

30 Русское слово. 1904. № 25 (31 января).

уничтожить самостоятельность японской империи, но мы должны доказать ей, что недостаточно усвоить внешние формы европейской культуры, чтобы потом презирать эту культуру в самых лучших ее проявлениях»³¹.

Еще одним направлением по формированию общественного мнения в «провоенном» духе было создание позитивного образа самой войны, ее пиар, говоря современным языком. СМИ пытались представить войну как победоносную и героическую, а все происходящие неудачи и отступления — как временные, незначительные либо предусмотренные стратегическим планом командующего. Эта задача решалась следующими способами:

1. путем отбора позитивной информации о состоянии русской армии и флота, ходе боевых действий (зачастую, она не соответствовала действительности); положение дел в Японии, в свою очередь, описывалось в негативном ключе;
2. путем обращения к подвигам русских солдат, матросов, офицеров, их героизму;
3. путем формирования позитивного образа командования русской армии и флота и в первую очередь командующего Маньчжурской армии А.Н. Куропаткина;
4. путем интерпретации событий в духе того, что все развивается по планам главнокомандующего, заранее предусмотрено и получит, в свое время, разрешение;
5. путем помещения пропагандистских материалов.

Для первого этапа войны особенно характерно изображение наших дел на театре боевых действий в радужно-оптимистичном ключе. Незначительные стычки со страниц газет предстают как серьезные боевые столкновения с японцами, в результате которых противник терпит огромный урон. Типичны информационные сообщения в духе, что русский отряд в составе «таких-то офицеров и сотни казаков» завязал с японцами ожесточенный бой, в

31 Сибирская Жизнь. 1904. № 30 (10 февраля).

результате которого японцы потеряли убитыми и ранеными две-три сотни человек, у нас же несколько нижних чинов убито и с десятков ранено («Восточное Обозрение», к слову, вдоволь поиздевалось над подобными сообщениями, приведя на своих страницах многочисленные примеры ляпов корреспондентов).

Столь же типичны сообщения, что прибывающие в Маньчжурию войска бодры, здоровы, снабжены всем необходимым, рвутся в бой. В случаях, когда ожидалось нападение японцев на определенный пункт, газеты неизменно писали, что там все прекрасно, дух войск высок, снабжение продовольствием и боеприпасами превосходно, позиции укреплены согласно последнему слову военной науки и т.д. и т.п.

Наиболее яркий пример такого подхода - информация о состоянии Порт-Артура. Типичные сообщения, которые мог почерпнуть из газеты читатель следующие: «Получена весьма утешительная энергичная корреспонденция из Порт-Артура. Артурцы уверены в своем начальнике генерале Стесселе: его дух бодрости и уверенности в победе передается всем войскам гарнизона и жителям. Передовой боец генерал Фок в настоящее время выдерживает на передовых позициях Порт-Артура весь напор японских войск и надолго оттягивает блокаду Порт-Артура; трудами генерала Кондратенко крепость усиливается с каждым днем, создаются новые укрепления; единство этих генералов создало из Порт-Артура неприступную крепость; все обстоит благополучно»³²;

В дальнейшем «музыки» стало поменьше, но неизменно сообщалось, что санитарное и продовольственное состояние крепости хорошее, все атаки японцев отражаются, дух защитников высок, порт-артуровцы уверены в победе и т.д.

В тех же красках рисовалось положение порт-артуровской эскадры (вплоть до неудачной попытки прорыва 28 июля 1904 г.): суда

32 Дальний Восток. 1904. № 149 (8 июля).

ремонтируются, с японцами постоянно происходят столкновения, мы успешно их топим; да, наших сил недостаточно, чтобы противостоять адмиралу Того, но как только подойдет балтийская эскадра — японскому господству на море будет положен конец.

Про действительно серьезные столкновения (у Тюренчена, Вафангоу, Гайчжоу и др.) писали в духе: да, был жестокий бой, который многого нам стоил, но японцы понесли несоизмеримо большие потери, наши же войска остались «нравственно сильными и готовыми вновь постоять за себя». А там, в тылу, уже сосредотачивается могучая русская армия, в Ляояне лихорадочная работа, обстановка «самая деловая», все и вся готовится к будущим

решительным сражениям...

С точностью до наоборот пресса изображала положение дел в Японии. В сообщениях газет она предстает буквально «дышащей на ладан». Финансовое положение страны ужасно, а будет еще хуже. Экономика в упадке. Лазареты переполнены больными и ранеными японскими солдатами. Настроение падает, жители со скептицизмом относятся к победным реляциям, перестают им верить. Чем дальше, тем больше Япония истощает свои силы, в армию скоро начнут забирать стариков и мальчиков (а мы свою мобилизацию, по сути, еще и не начинали).

Еще одним способом создать позитивный образ войны стало обращение к ее героическим страницам. Спектр этого обращения достаточно широк. Есть краткие заметки, касающиеся подвигов отдельных лиц: санитар с броненосца «Ретвизан», рискуя жизнью и будучи сам ранен, выносил из затопленного отделения больных матросов³³; денщик прапорщика Бабина, узнав о ранении своего офицера, разыскал его под огнем на поле боя, принял его последний вздох и был с ним, пока японцы не подошли вплотную³⁴;

33 Сибирская Жизнь. 1904. № 77 (11 апреля).

34 Сибирская Жизнь. 1904. № 135 (24 июня).

«Младший унтер-офицер Дургин 11-го полка под огнем противника ободрил нижних чинов своим мужеством и храбростью; за выбытием убитыми командиров 1-го и 2-го взводов принял командование над 1-ю полуротой и нанес большой урон противнику»³⁵ и т.д.

Стоит отметить, однако, что о героизме русских солдат, матросов и офицеров в ходе боевых действий писала вся без исключения пресса, в том числе критично к войне настроенная.

Одному из эпизодов Русско-японской войны правящими кругами (а вслед за ними и прессой) было отведено совершенно особое место. Это - бой крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец» с японской эскадрой 27 января 1904 г. в порту Чемульпо. Он был не просто многократно во всех подробностях описан — он был разрекламирован как пример беспримерного мужества русских моряков, который потряс буквально весь мир.

В СМИ отмечалось, что бой с японской эскадрой носил крайне ожесточенный характер, к концу его на «Варяге» оставалось всего 1/3 команды, на «Корейце» еще меньше, остальные полегли, защищая родной флаг; среди оставшихся в живых все были ранены, суда покидали со слезами на глазах³⁶.

После боя, оставшиеся в живых варяговцы были подобраны итальянским судном и затем переправлены в Россию. Далее началось своеобразное «турне» по городам России, начиная от Одессы и Севастополя и заканчивая Москвой и Санкт-Петербургом. Программа чествований моряков включала в себя многочисленные речи официальных лиц (и ответные речи варяговцев), торжественные шествия и молебны, парадные обеды и спектакли в честь

35 Сибирская Жизнь. 1904. № 130 (18 июня).

36 Дальний Восток. 1904. № 30, 59 (7 февраля, 13 марта).

героев и т.п. Все это в подробностях освещалось центральными газетами, а затем - местными (в разделе телеграмм).

На примере «Варяга» хорошо видна действенность информационного фильтра, который использовала пресса. «Лавры героя» получал тот, на ком газеты останавливали свой благосклонный взор. При этом прослеживалась определенная градация. Внизу - героические подвиги нижних чинов (солдат и матросов), причем представляли они в большинстве случаев как единая масса (полк или экипаж такой-то). Выше — имена командиров, которые чаще всего появлялись в связи с действиями вверенных им частей. При этом у отдельно взятых газет могли быть свои «любимчики» (хотя общее направление на изображение «героических отцов-командиров» неизменно выдерживалось).

А что же отступления? И здесь пресса была единодушна: все - во имя будущих побед, командующий стоит перед необходимостью сначала сосредоточить свои силы и только после этого сможет ударить. Еще один нюанс в позитивном образе войны — общая интерпретация событий войны в духе, что «все идет по плану». Во всех случаях, когда русская армия или флот терпели поражение, отступали и т.д. официальная и либеральная печать пыталась представить дело таким образом, что все это входит в планы командующего, вынужденного действовать в весьма специфических условиях. Вслед за информационными сообщениями об отступлении от Тюренчена, Вафангоу, Цзиньчжоуских позиций у Порт-Артура, Дашичао, Ляояна и т.д. следовала серия заметок на тему, что все действия войск (в том числе «отступательные») предусмотрены планами командующего, согласно которым необходимо достигнуть стратегического сосредоточения армии, то есть добиться ее численного превосходства над противником, и только потом уже переходить в решительное наступление. До этого момента, армия должна малыми силами сдерживать противника во всех подходящих местах, задерживать его наступление, пока в тылу будет формироваться собственно ядро войска. Никакие временные неудачи на театре военных действий ни в

кчем случае не означают поражения или хотя бы малейшего ослабления России.

На процесс формирования общественного мнения повлияли и уже существующие общественные стереотипы. Кроме «заказа» сверху, существовал еще и миф, в плену которого оказывалась и власть, и общество. В частности, тот же А.Н. Куропаткин в начале войны действительно был весьма популярен, как полководец, его боевая репутация стояла очень высоко, он казался всем наследником Скобелевских талантов и Скобелевского умения владеть людьми (об этом писали многие мемуаристы, в частности, В.А. Апушкин, А.И. Деникин, Эбергард Теттау). Русское общество хотело кумира, власть — подкрепление авторитета военачальника — и пресса не замедлила откликнуться. В меньшей степени, но в том же ключе, это касалось всей армии и флота (российская армия и флот — героические и победоносные, мы разгромим любого врага). Поскольку действительность расходилась с ожиданиями, с какого-то момента и власть, и пресса начинали «делать хорошую мину при плохой игре».

2. Образ Японии и японцев в общественном сознании населения

Формирование образа врага в Русско-японскую войну 1904-1905 гг. представляет собой интереснейший феномен, достойный подробного и вдумчивого исследования. На создание образа Японии и японцев повлияло сразу несколько составляющих. Несомненно, был соответствующий «заказ» правящих кругов, заинтересованных, как минимум, в том, чтобы общество полностью уверилось в необходимости и неизбежности войны с Японией, причем войны справедливой с нашей стороны. Несомненно, еще до войны существовал культурный стереотип, миф, диктовавший строго определенное восприятие будущего врага. Но кроме двух этих факторов действовали и факторы «частного» порядка, благодаря которым образ японцев в русском

обществе отнюдь не был однороден. В нашем случае мы рассмотрим образ Японии в общественном сознании, обратив главное внимание на два фактора:

а) как периодическая печать пыталась представить врага; б) как трансформировался образ Японии и японцев при непосредственном столкновении с ним.

Первое, что бросается в глаза - повременными изданиями Япония изображалась как страна, стремящаяся не просто к победе в конкретной войне, а к господству в Азии и чуть ли не в мире. Этот мотив постоянно повторялся в ведущих повременных изданиях. Так, в «Дальнем Востоке» мы можем встретить следующую сентенцию: «Эта языческая раса питает глубочайшую вражду к христианству... евангельское учение о любви и прощении никогда не привьется к жестокой и полной ненависти душе японца, и уже по одному этому союз с этим коварным народом не может быть прочным»³⁷. В другой заметке утверждалось, что Япония — это не маленькая, беззащитная страна, а держава, основательно организованная и подготовленная для войны, с воинственным народом, очень дисциплинированным и подчиненным властям. Япония страна честолюбивая и мечтающая о господстве, страна, которая ненавидит белую расу и представляет большую опасность для Европы³⁸.

Данные тезисы подкреплялись, например, высказываниями японской интеллигенции о том, что Япония в настоящий момент в политическом отношении не уступает странам Запада и как передовое государство Азии способно открыть новый период развития для азиатского Востока; что японская нация обладает такими духовными силами, с помощью которых она может обогнать в цивилизационном развитии передовые страны Запада и

³⁷Дальний Восток. 1904. № 152 (11 июля).

³⁸ Дальний Восток. 1904. № 180 (15 августа).

начать новую эру в истории человечества: «Как солнце восходит на востоке, а заходит на западе, так и свет цивилизации ныне возвращается в области его зарождения»³⁹. В целом доказывалось, что японская интеллигенция следует девизу: «Азия для азиатов» и рассматривает Азию как естественную арену для приложения японской деятельности.

Читателю рассказывали и о целых движениях антирусской направленности, существовавших в Стране восходящего солнца еще с XVIII века, в частности, о воззрениях японских мыслителей Хаяси Сихея, Фудзита Токо, Сакумы Дроздана (18-19 век) и современных - Ито, Окумы, Итагаки. Все они предупреждали об опасности, которая грозит Японии со стороны европейских держав и в первую очередь России и о необходимости усиления страны и взятия реванша (например, Сакума Дроздан убеждал японцев открыть страну и взять из европейской культуры все необходимое, так как иначе через 50-60 лет японцы станут рабами России; под воздействием его идей русские миссии Рязанова (1804 г.) и Головина (1810 г.) подверглись глумлению, а японцы начали лихорадочно вооружаться).

В целом среди факторов, объясняющих ненависть японцев к европейской расе и, в частности, к русским, органами печати назывались как факторы экономического порядка, так и идеологического. Среди причин экономического порядка отмечалось стремление Японии к господству в Азии, особенно в Китае и Корее, а в отношении России — действия последней на Дальнем Востоке (занятие Приамурского края, Сахалина, Маньчжурии и Порт- Артура, попытки проникнуть в Китай и Корею, аннулирование результатов победы Японии над Китаем в войне 1894-1895 гг.). Среди причин идеологического (мировоззренческого) порядка называлось коренное противоречие между европейской (куда относится и русская) и японской (азиатской) культурой, которая содержала в себе совсем иные ценности и идеалы, отличные от западных.

39 Дальний Восток. 1905. № 6, 7 (9, 11 января).

Чтобы еще больше усилить создаваемое впечатление от «желтой опасности», в прессе приводились факты крайнего национализма и шовинизма японцев. Это описания японских пьес, выдержки из писем японских солдат и офицеров, патриотические японские стихи и т.д.

Более того, согласно исследованиям Е.С. Сеньявской, еще до войны в русском обществе сложился стереотип восприятия японцев как «азиатов», язычников (то есть «нехристиан») с одной стороны, и как «дикарей» и варваров (то есть отсталых культурно), с другой. На языковом уровне это выразилось в обилии уничижительных кличек. Японцев называли не иначе как «япошками», «макаками», «желтолицыми обезьянами», «желтыми пигмеями», «узкоглазыми дикарями» и т.д. Этими эпитетами пестрила печать, эти же выражения сплошь и рядом встречаются в мемуарной литературе (даже если сам автор японцам сочувствовал, он выражался в духе: вот все называют японцев макаками, а я так думаю, что это сильный противник).

Как к макакам относился к японцам и сам император Николай II, «ненависть которого была вызвана, в частности, тем, что, еще будучи наследником престола, он посетил Японию, где подвергся нападению фанатика и был ранен мечом в голову» .

В начале войны презрительное, враждебное отношение к японцам достигло своего пика — редактор «Нового Времени» А.С. Суворин, например, писал о японцах как «ядовитых карлах», как «азиатах и язычниках», у которых «своя нравственность, свои правила, своя дипломатия»: «Дьявол поднялся на Дальнем Востоке... обожгло Россию, обожгло весь русский народ. Заболели наши раны, русская кровь полилась, смерть разинула свою пасть и поглотила первые жертвы, облитые слезами отцов и матерей»⁴⁰.

40 Суворин А.С. Русско-японская война и русская революция. Маленькие письма 1904-1908 гг. М., 2005. С. 46.

На японцев возлагали вину за развязывание войны. Вместе с тем, общее отношение и императора, и «высшего общества», и генералитета к японцам как «дикарям и варварам» привело к тому, что Россия оказалась совершенно неподготовлена к войне с Японией, а сами военные действия повела беспечно, «абы как»⁴¹.

Описания обычаев японцев в «Дальнем Востоке» часто носили сенсационный характер, этакая «клубничка». Например, рассказывалось о совершенно спокойном отношении японцев к проституции: тут вам и знаменитые «чайные дома», и обычай иметь наложниц, и временные браки, и право отца продать дочь в публичный дом (чем многие пользуются) и т.д. Правда, отмечалось, что гейшам давали образование, так как они должны были удовлетворять в том числе эстетические потребности мужчин, но все равно — проституция и разврат⁴². Сюда же относили «бесстыдный» обычай совместного купания в одной бочке и т.д. Плюс ко всему, женщина в Японии является практически рабой своего отца, а позже мужа, а понятие любви, как таковое, японцам чуждо.

И, как своеобразный итог, отмечалось, что японцы заимствовали у европейцев достижения в технике, науке, административном устройстве и военном искусстве, но не саму культуру, в европейцах видят служащих, соперников, недостойных уважения. В быту сохраняется японская культура, для нации в целом характерно презрение к иностранцам и шовинизм, пропагандируется, что японский император произошел от сына богини солнца Аматерасу, а от японского императора произошел весь японский народ, поэтому Япония - исключительная страна, самая лучшая, добродетельная, сильная и тому подобное⁴³.

41 Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века... С. 30.

42 Дальний Восток. 1904. № 176 (9 августа).

43 Дальний Восток. 1904. № 171 (4 августа).

Среди черт, присущих японцам как нации выделяли и ряд положительных, таких как: самообладание, подвижность, легкость приспособления к любым условиям и обстоятельствам, вежливость, ум, приверженность традициям, верность правителям, патриотизм. В то же постоянно подчеркивалось, что для японцев характерна лживость, гордость, тщеславие, неразборчивость в средствах, коварство, презрение к смерти, жестокость, ненависть к европейцам.

Неизменно подчеркивались те достижения, в которых Страна восходящего солнца обогнала Россию, а именно: развитая парламентская система, всеобщее начальное образование и доступность среднего и высшего, развитость и доступность прессы и вообще активная гражданская жизнь японцев. Из отрицательных черт назывались возросшее имущественное расслоение нации, обнищание масс (особенно рабочих), вызванное, в первую очередь, огромными расходами на военные нужды.

Для начала войны также были характерны уничижительные оценки. Японскую армию признавали слабой в качественном отношении (мало кавалерии; японский солдат невынослив, невыдержан, боится холода; слабые познания в тактике и стратегии) и относительно слабой в численном (общая численность войск, которые может, в потенциале, выставить Япония несравнима с тем, сколько может выставить Россия). Японский флот сильнее нашего, но морально хуже, т.к. у них нет тех традиций, которые есть у русского флота.

В целом утверждалось, что Япония не воспользовалась преимуществами своего положения, высадку в Корею провела слишком медлительно и не там, где следовало, а бомбардировки Порт-Артура японской эскадрой и вовсе лишены всякого смысла, поскольку почти не приносят крепости вреда, а японские суда подставляют под огонь наших береговых батарей. Еще более бессмысленной была японская бомбардировка Владивостока 22 февраля 1904 г., в результате которой было разрушено несколько зданий и убит

женщина. Как выразилась по этому поводу пресса: «Ухлопать 600 тысяч затем, чтобы убить беременную женщину!» .

В другом месте сообщалось, что японцы перекрашивают коммерческие суда в военные цвета, чтобы обмануть нас: «Эта уловка обнаруживает наивный характер японцев, представляющий собой смесь детского лукавства с настоящими, серьезнейшими достоинствами»⁴⁴.

Уничижительные оценки «серьезной» прессы в лубочном варианте становились совсем уж карикатурными. Характерны были рисунки в духе: казак, копьем пронзивший двух японцев, другой рукой держит японца за ухо; сошлись два броненосца, и русский матрос разбивает японскому лицу; адмирал Того, в виде обезьяны, пишет фальшивые репортажи и т.д.

По мере развертывания боевых действий, японская армия была признана сильным и достойным противником.

Часто обращались к очеркам Вас.И. Немировича-Данченко, который писал о японских солдатах с искренним восхищением, особенно отмечая их героизм, ни в чем не уступавший героизму русских солдат: «Японцы в шлюпках, расстреливаемые пулеметами, умирали на наших глазах, но ни одна шлюпка не подняла сигнала сдачи»⁴⁵; «воодушевление таково, что люди режут себе горло и животы, а не сдаются, плен для японцев — позор, смерть - доблесть»⁴⁶; «достойный противник, и как глупы те, кто мне ставил в минус справедливость, которую я отдаю нашему врагу. Этим господам издали можно называть его макаками, япошками, давать им титулы подлых, коварных и еще не знаю какие. Но тут от командующего армии и до последнего солдата относятся к «макакам» и «япошкам» с истинным

44 Сибирская Жизнь. 1904. № 92 (30 апреля).

45 Сибирская Жизнь. 1904. № 93 (1 мая).

46 Сибирская Жизнь. 1904. № 159 (24 июля).

уважением. Нет чести в борьбе с какою-то азиатскою дрянью, и великая слава победить врага могучего, искусного, достойного нашей старой, боевой армии, нашего героя и мученика солдата»⁴⁷.

Здесь мы снова наблюдаем интереснейший феномен. Реальное столкновение с врагом вызывает значительное изменение его образа, бывшие «япошки» превращаются в достойного и сильного противника, причем печать тут выступает, что называется, «единым фронтом». Как нам представляется, новый образ врага возник и как ответ на реальное соприкосновение с ним, и как ответ на «требования момента». Невозможно оправдать наши поражения, если продолжать принимать японцев за дикарей и варваров. Здесь же и «утешительная идея»: да, японцы сильны, но только пока могут действовать по заранее составленному плану, а вот когда мы перейдем в наступление. Е.С. Сенявская в своем исследовании так же отмечает: «Воспринимавшиеся на расстоянии как «макаки» представители другой, непонятной европейцу культуры, при непосредственном соприкосновении оказались людьми вполне цивилизованными, да еще и способными на благородные поступки. В официальных сообщениях японской Главной Квартиры постоянно встречались фразы: «Тела убитых русских воинов погребены со всеми почестями», «Русские офицеры преданы земле с отданием особых почестей». Признавая доблесть своего противника, японцы говорили защитникам Порт-Артура: «Нет никого лучше нас в атаке, нет никого выше вас в обороне. Если бы мы соединились, то завоевали бы весь мир!» А один из русских полков, храбро дравшийся при Сандепу и Мукдене, получил георгиевское знамя по представлению... неприятельского главнокомандующего! О его награждении просил русского императора японский маршал Ойяма»⁴⁸.

47 Дальний Восток. 1904. № 197 (4 сентября).

48 Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века... С. 33.

В свою очередь заметим, что с нашей стороны также нередко с почестями хоронили японских воинов. На одних из таких похорон газета «Новый Край» отозвалась следующими словами: «Печальные мотивы похоронного марша невольно навеяли грустные мысли, и стало жаль безвременно угасшей, молодой жизни бывшего противника»⁴⁹.

Е.С. Сенявская пишет в своем исследовании, что Русско-японская война породила двойственность в восприятии японцев, когда восхищение противником мешалось с презрением к нему же, а победу Японии над Россией объясняли «приступом бешенства»: «Эта двойственность восприятия весьма характерна для европейца, столкнувшегося с загадочными традициями и чуждым менталитетом Востока: здесь невольное восхищение утонченной древней культурой, и страх перед непредсказуемостью «дикарей», и стыд за поражение своей «цивилизованной» страны, которое она потерпела от «варваров»⁵⁰.

Итак, какой же образ Японии и японцев сложился в общественном сознании в Русско-японскую войну? Как мы смогли убедиться, он оказался весьма неоднозначным. На уже существующий культурный стереотип (миф), представлявший японцев как «дикарей и варваров», «макак», «азиатов» и т.п. наложился, с одной стороны, «социальный заказ» по созданию образа врага (отсюда представление о «желтой опасности», «панмонголизме» и т.д.), с другой стороны - черты реального противника, которого узнавали на полях войны. В общем случае это вызвало двойственность восприятия японцев — ими с одной стороны восхищались (достойный противник, храбрый, организованный, благородный; японцы как нация многого достигли), с другой стороны продолжали презирать, стыдиться и бояться (палачи, шпионы, коварные азиаты, низшая раса). В «частных» случаях

49 Сибирская Жизнь, 1904. № 77(11 апреля).

50 Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века... С. 34.

образ японцев оказывался, еще более неоднозначным. И если дальневосточное общество, охваченное вполне понятными опасениями за свою безопасность, культивировало враждебное отношение к японцам, то общественное мнение Сибири проявляло к ним сдержанное, уважительное и даже сочувственное отношение. Именно на страницах сибирской прессы мы все чаще видим японцев как людей, чьи поступки и образ жизни как минимум стремятся понять. Таким образом, разница читательских аудиторий создает две, совершенно отличные друг от друга Японии.

Глава 2. Трансформация образа японцев, реакция общества на Русско-японскую войну и возникшие в связи с ней проблемы

1. Эволюция и смена алгоритмов официальной пропаганды в ходе войны

В правящих кругах России в начале войны присутствовала твердая уверенность в скорой и легкой победе над японцами, что было связано, как уже отмечалось выше, с неадекватной оценкой сил и возможностей противника. Однако для достижения победы в войне мало уверенности «верхов» в неизбежности ее. Большое значение имеет такое морально-психологическое состояние населения страны в целом, и ее армии, которое приводит к убеждению в справедливом характере войны, вера в способность государства отразить нападение врага, наличие духовных и нравственных ценностей, ради которых солдаты готовы отдать свою жизнь. Народ и армия должны быть убеждены в своем моральном и военно-техническом превосходстве над противником, и, разумеется, в конечной победе над врагом. Для победы в войне необходимо также компетентное руководство армии ей, от которой во многом зависит результат военного противостояния; важной представляется координация между гражданскими и военными деятелями, отсутствие соперничества между ними. Также крайне важно, чтобы власть была способна управлять общественным мнением, а не следовать за ним - быть твердой, избегая усиления конфликта с обществом. Необходимое для победы в войне морально-психологическое состояние общества создается многими способами и зависит от нескольких факторов. Для того чтобы война завершилась победой, важны результаты работы тех политических лидеров, которые заняты руководством внешней политикой. В конечном итоге, ее успех или провал зависит от качества этого руководства. Государственные деятели страны, участвующие в принятии решений по вопросам внешней политики, должны получать доступ к достоверной информации о состоянии внутренних и внешних дел в государстве, иметь

возможность свободно обсуждать широкий спектр внешнеполитических вопросов. Между людьми, причастными к руководству внешнеполитическим курсом, не должно быть серьезных противоречий и разногласий, они должны быть достаточно сплоченной группой. В России практически все перечисленные факторы накануне войны либо вовсе отсутствовали, либо были весьма слабо развиты. Вся ответственность за принятие решений, за все просчеты и неудачи в войне с Японией лежала на императоре, который, в соответствии с законами Российской империи, являлся верховным руководителем внешней политики страны. Принятие решений зависело во многом от его компетентности, от его осведомленности обо всем, что происходило на Дальнем Востоке. Однако материалы дневника императора наводят на мысль о весьма поверхностном интересе государя к дальневосточным делам. В записях за январь 1904 года, только 24-го января написано: «Вечером получил известие о прекращении переговоров с Японией и о предстоящем отъезде ее посланника отсюда». До этого государь исправно сообщал о погоде, посещениях театров и выставок, прогулках с женой, ожидавшей ребенка, завтраках и обедах с родственниками и т. д. 25-го января читаем: «Новых известий с Дальнего Востока не было». 26-го января отмечено: «Утром у меня состоялось совещание по японскому вопросу; решено не начинать самим». В этот день вечером царь, вернувшись из театра, «получил от Алексеева телеграмму с известием, что этою ночью японские миноносцы произвели атаку на стоявших на внешнем рейде «Цесаревич», «Ретвизан» и «Палладу» и причинили им пробоины. Это без объявления войны. Господь, да будет нам в помощь!». 27-го января царь дополнил: «Утром пришла другая телеграмма с известием о бомбардировании японскими судами Порт-Артура и о бое с нашею эскадрою. Незначительные повреждения получили «Полтава», «Диана», «Аскольд» и «Новик». Потери незначительны...». 31-го января царь записал: «...Вечером получил скверное известие о другой гибели: крейсер «Боярин» натолкнулся на нашу подводную ми ну и затонул. Все спаслись,

исключая 9 кочегар. Больно и тяжело!». В отечественной и зарубежной историографии до сих пор идут дискуссии о том, каким был вклад царя в процесс формирования внешней политики государства. Одни исследователи считают, что Николай II, не будучи достаточно компетентным в международных делах, держал, тем не менее, российскую дипломатию в крайне жестких рамках, излишне опекая ее, и, тем самым, сковывая всякую возможность проявления самостоятельности и инициативы. Отсюда многочисленные просчеты и провалы во внешней политике, которые привели к русско-японской войне и поражению России в ней. Другие историки, напротив, полагают, что внешняя политика привлекала внимание царя главным образом тогда, когда возникала прямая угроза втягивания России в войну. В другое время Николай II не проявлял особого интереса к иностранным делам. Эта группа исследователей считает, что фактически царь был отстранен от формирования внешнеполитического курса сами высокопоставленными дипломатами, которые держали его в неведении относительно текущих международных событий. Они, якобы, постоянно ставили его перед свершившимися фактами, опасаясь принятия им недостаточно взвешенных и просто безграмотных решений. Поэтому действия России на международной арене, по их мнению, целиком и полностью зависели от самих дипломатов, их понимания и оценки внешнеполитической обстановки, способности к грамотной и своевременной реакции на стремительно развивавшиеся события, смелости и решительности при принятии непростых решений, умения мыслить масштабно, с учетом не только текущих, но и стратегических интересов России. Представляется наиболее приемлемой точка зрения тех исследователей, которые считают, что действующими силами, влиявшими на российскую внешнюю политику в начале XX века, выступали император и его ближайшее окружение, а также военное министерство, министерство финансов, и, несомненно, министерство иностранных дел. Отношения государя с большинством руководителей внешнеполитического ведомства, в

том числе и с Ламздорфом, назначенным на этот пост в 1900 г., складывались, сложно. Между тем, от взаимоотношений между царем и главой МИД во многом зависел успех предстоящей военной кампании. Существенную роль в проведении дальневосточной политики царизма с 90-х годов начал играть министр финансов СЮ. Витте. Это была одна из ключевых фигур в правительстве Николая II. Как и с Ламздорфом, с Витте отношения Николая II были сложными. Участник русско-японской войны генерал А.И. Деникин, размышляя, после ее окончания, о причинах поражения России, в воспоминаниях «Путь русского офицера», среди прочих причин, назвал противоречия и несогласованность действий в правящих кругах перед войной. А.И. Деникин писал: «Комитет министров не представлял из себя объединенного правительства, обладающего инициативой и коллегиальной ответственностью. Решения огромной государственной важности принимались в Петербурге нередко без широкого обсуждения или вопреки мнению правительственных совещаний, по докладу того или другого министра, иногда безответственного лица. Тайные дипломаты вроде Абазы, ставили не раз членов правительства перед совершившимся фактом. А страну и те, и другие держали в полном неведении. Результаты получились плачевные». Эти сведения позволяют считать, что накануне и во время русско-японской войны отсутствовало необходимое для успешного завершения войны сотрудничество в верхних эшелонах власти. Как отмечалось, для победы в войне много значило компетентное руководство армией, координация между гражданскими и военными деятелями, отсутствие соперничества между ними. В то же время между Наместником царя на Дальнем Востоке Е.И. Алексеевым, назначенным 28 января 1904 г. командующим сухопутных и морских сил на Дальнем Востоке, и командующим Маньчжурской армией А.Н. Куропаткиным были весьма неприязненные отношения. Разногласия между ними касались стратегии, тактике ведения войны и действий российского флота.

В начале XX века в России между властью и обществом почти не происходило конструктивного обмена мнениями по поводу внешней политики. В связи с этим, власть добивалась общественной поддержки своей политики идеологическими средствами и инструментами. Несмотря на то, что в стране было очень мало каналов, через которые правительство могло вести действенную пропаганду, определенные шаги в стремлении обрести поддержку широких слоев населения в условиях войны, правительство предпринимало. Как показывают события начала русско-японской войны, к числу таких каналов следует отнести министерство народного просвещения и Синод. Это подтверждается тем, что в шумной ура-патриотической кампании, которая была инспирирована в начале войны, наряду с другими слоями населения, высших учебных заведений, учащиеся средних учебных заведений, семинаристы, священники. О вступлении России в войну с Японией жители России узнали из манифеста, с которым обратился Николай II к своим подданным. О причинах войны в манифесте говорилось: «...Нами были приложены все усилия для упрочений спокойствия на Дальнем Востоке. В сих миролюбивых целях Мы изъявили согласие на предложенный японским правительством пересмотр существовавших между обеими империями соглашений по корейским делам... Переговоры не были, однако, приведены к окончанию, и Япония ... известила о разрыве дипломатических сношений с Россией... Не предупредив о том, что перерыв таковых сношений знаменует собою открытие военных действий, японское правительство отдало приказ своим миноносцам внезапно атаковать нашу эскадру...».⁵¹

Этот документ наглядно показывает, что вся вина за развязывание войны возлагалась на коварного врага. Откликом на манифест были массовые патриотические демонстрации, в которых принимали участие представители практически всех слоев населения. 27 января, в день объявления войны,

⁵¹Русско-японская война. СПб., 1906. С. 7- 8.

государь записал в дневнике: «В 4 часа был выход в Собор через переполненные залы к молебну. На возвратном пути были оглушительные крики «ура»! Вообще отовсюду трогательные проявления единодушного подъема духа и негодования против дерзости японцев...».

В стране на время была создана видимость единения правительства и общества, был заметен всплеск патриотизма, наложившего свой отпечаток на все сферы общественной жизни. Во многих городах России прошли патриотические манифестации в поддержку правительства. Формы выражения патриотизма были различны: торжественные молебны, шествия с портретами государя, хоругвями и знаменами, поздравительные письма и телеграммы, верноподданнические адреса, депутации к «обожаемому монарху» и т. п. В шествиях к Зимнему дворцу, молебнах во здравие царской семьи и т. п. приняли участие разные слои населения. В результате предпринятых властью усилий первое время в стране ощущался патриотический подъем, присутствовала уверенность в скорой победе над Японией. Для поддержания патриотических настроений власти широко использо вали также такой метод, как торжественные проводы войск на фронт. В них принимали участие первые лица империи, в том числе и Николай II.

Важным идеологическим инструментом, формирующим общественное мнение, мощным средством внедрения официальных идеологических установок в сознание общества была периодическая печать. При этом необходимо иметь в виду, что, в отличие от государственных лидеров, выразители общественного мнения не имели опыта в государственных делах, и не несли ответственности за конечный результат той пропаганды, которая велась газетами и журналами. Российская печать поначалу уделяла новостям с Дальнего Востока не много внимания. Сказывалась воспитанная правительством привычка общества рассматривать внешнюю политику как исключительно государственное дело. Однако по мере затягивания военных действий, газеты начали играть все большую роль. Недаром Николай II

воспринимал периодическую печать как одно из средств идеологического воздействия на общество. В ответ на преподнесенный ему в начале войны «всеподданнейший адрес от ежедневной столичной печати», он сказал: «Надеюсь, что и впредь русская печать окажется достойною своего призвания служить выразительницею чувств и мыслей великой страны, и воспользуется своим большим влиянием на общественное настроение, чтобы вносить в него правду, и только правду»⁵²

Редактор официозной «Летописи войны с Японией» П. Вожин сформулировал задачи периодической печати, которая, по его мнению, должна была следовать правилу «проникнутого горячею любовью к отечеству, но спокойного, беспристрастного изложения; возможно полного и всестороннего выяснения значения событий и военных действий; установления внутренней связи между ними». Однако «беспристрастного» изложения событий войны не удалось выдержать ни одному изданию, в том числе и «Летописи войны с Японией». Напротив, в печати наблюдалась разнородность мнений, что свидетельствовало о сложных и глубоких процессах, происходивших в недрах общественного сознания. Органы периодической печати относились к войне в соответствии с тем идейным и политическим направлением, к которому они принадлежали. В связи с этим наблюдались разногласия и расхождения «в основных взглядах на самую войну». П. Вожин, в статье «Вопросы войны в печати и обществе», объяснял сложившуюся ситуацию следующим образом: «Такое настроение печати, делающей в настоящее время общественное мнение, естественно отразилось на массе читающей публики. Не имея возможности применить собственный критерий в новой, необычной обстановке, требующей специального и многостороннего образования, широкого кругозора, - она послушно идет за господствующими в печати течениями. Отсюда то разногласие, разъединение в основных взглядах на самую войну, ее положительные и

⁵²Летопись войны с Японией. 1904. №1. С. 16.

отрицательные стороны». Откровенные шовинистические настроения были присущи, на наш взгляд, помимо официальной печати, лишь крайне правым газетам. Следует учитывать, что во время войны действовала военная цензура, которая тщательно следила за сведениями, поступающими в тыл с театра военных действий. Газеты, нарушавшие цензурные запреты, подвергались преследованиям.

Не удивительно, что сообщения о военных событиях подавались органами периодической печати, особенно ежедневно выходивших газет, как правило, в нужном для власти ключе. Изучив ряд таких изданий, как «Русское слово», «Новости дня», «Московский листок» и др. подтверждает этот вывод. Содержащаяся в них информация в начале войны носила оптимистичный характер, вселявший надежды обществу на скорую победу.

По мере поражения на Дальнем Востоке правительству все сложнее было поддерживать патриотические настроения населения страны. Уже в 1905 г., когда стало ясно, что война проиграна, в печати появились статьи, авторы которых пытались осмыслить причины поражения русской армии. Если в 1904 г. тон газет был сдержанно-оптимистичный, то в 1905 г. «Слово», «Русь», «Московские ведомости», «Русский вестник», «Гражданин» и др. пестрят статьями, обличающими пороки русской военной системы: недостатки военной медицины, образования, подготовки офицеров корпуса Генерального штаба и т.д. При этом нужно помнить, что идеологическое направление этих газет не было одинаковым. 9 января 1905 года в России началась революция. Таким образом, мы видим полный провал пропагандистского аппарата Российской империи. Оценку этому факту дал министр земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолов в докладе императору Николаю II 14 марта 1905 г.: «Нельзя скрывать от себя, что война на Дальнем Востоке никакой популярностью среди населения не пользуется, никакого подъема патриотического чувства в народе нет и не было, что народ только подавлен тяжелыми для него последствиями этой войны и вместе с тем на него самым угнетающим образом действуют слухи

о наших военных неудачах. Возвращающиеся с Дальнего Востока раненые, распространяя слухи о понесенных нами поражениях, только еще более возбуждают население против этой войны, продолжение которой должно будет, однако, потребовать от народа еще новых, и более тяжелых жертв, причем в народе распространено убеждение, что и все эти жертвы пользы не принесут, что, отправляемые в действующую армию посылки и пожертвования, по назначению не доходят и т.п. Нельзя не опасаться, что, призванные при таком настроении народа в войска, внесут деморализацию и в среду самой нашей армии»⁵³

На наш взгляд, царский министр достаточно точно увидел взаимосвязь настроений в тылу и морального духа армии.

2. Война в сознании широких слоев населения России.

Рассматривая отношение к войне в широких слоях российского населения, следует иметь в виду, что общество было весьма неоднородным по социальному, национальному, религиозному составу. Разным был уровень образования, возраст жителей и т. д. Все это, несомненно, влияло на восприятие событий, происходивших на Дальнем Востоке, на отношение к войне. Это отношение во многом зависело от того, в какой мере массы населения были осведомлены о Японии и японцах, о целях войны, о ходе военных действий на суше и на море и т. д. Как уже отмечалось, до войны Японией в России интересовались, главным образом, дипломаты, военные, ученые-востоковеды и часть российской интеллигенции, увлеченной искусством островного государства. Незнание страны, с которой пришлось воевать, непонимание причин конфликта, возникшего на Дальнем Востоке, подтверждают материалы мемуаров и периодической печати. А.И. Деникин пишет: «В то время как в Японии, весь народ, от члена Верховного тайного

⁵³Российские либералы. М., 2001. С. 12.

совета до последнего носильщика, отлично понимал и смысл и самую цель войны с Россией ..., когда чувство неприязни и мщения к русскому человеку накапливалось там годами, когда о грядущей войне с Россией говорили все и всюду, у нас предприятия на Дальнем Востоке явились для всех полной неожиданностью; смысл их понимался лишь очень немногими. ...Все, что могло выяснить смысл предстоящего столкновения, цели и намерения правительства, или замалчивалось, или появлялось в форме сообщений, что все обстоит благополучно...». ⁵⁴

Об отношении крестьянства к войне интересный материал содержится в книге М. Сурина «Война и деревня». Автор пишет, что после известия о начале войны «по городам и селам полетели миллионы листков, телеграмм и официальных донесений, возбуждающих народ против дерзкого и коварного врага». По его словам, народ, который не ждал войны, «встретил ее с недоумением». Но скоро патриотические чувства стали подогреваться. Сурин пишет: «На улицах больших городов появились какие-то люди, одетые часто в студенческие мундиры, певшие песни, кричавшие ура и срывавшие с прохожих шапки; газеты и листки на все лады уверяли, что война скоро кончится, что дерзкий враг будет жестоко наказан и что победоносная Россия обогатится новыми завоеваниями». М. Сурин во время войны собирал письма, в которых содержались отзывы сельских жителей о войне. Он приводит строки из письма священника П. Терновского, который писал: «Почти каждый готов взять оружие; только бы сказал Государь Батюшка - и сами бы пошли и отдали бы все, что ему нужно, например лошадок и проч.»; Крестьянин Бронницкого уезда И. Евсеев считал необходимым ускорить создание памятника Царю-Миротворцу, приурочив его открытие ко дню «заключения доблестного мира с Японией» и т. д. ⁵⁵

⁵⁴Деникин А.И. Путь русского офицера. С. 98.

⁵⁵Сурин М. Война и деревня. М., 1907. С.14.

Манифестации проходили не только в столице, как отмечалось выше, но и во многих городах провинции. «Северный Кавказ» так описывал атмосферу тех дней на Ставрополье: «...Волновались ли по случаю начавшейся войны? Нет, тысячу раз нет. Вера в победоносное русское оружие была крепка, и все ждали известий о громких и славных победах». Газета сообщала, что 1-го февраля в Ставрополе прошла патриотическая манифестация, в которой приняли участие в основном гимназисты. Автор пишет: «По Николаевскому проспекту под звуки бравурной музыки бодро шествовали безусые юнцы, нарочито громко обсуждая перспективы войны.- Русское оружие непобедимо! - говорили одни.- Шапками закидаем! - вторили им другие. - Не пройдет и полгода, как наши войска раз- громят столицу микадо, - утверждали третьи. Манифестанты до самого вечера ходили по улицам с пением гимна, дружно кричали «ура», и как-то не верилось, чтобы «не знавшая поражений Россия не одолела бы такого ничтожного народа, каким представлялись японцы».⁵⁶

о народа, каким представлялись японцы». Однако уже в первые дни войны было очевидно, что не все безоговорочно поддерживают правительство. 31 января 1904 г. в Петербурге студенты, участвовавшие в патриотической демонстрации, двигаясь колонной с пением гимна «Боже, царя храни», столкнулись с группой студентов, которые пели «Марсельезу»⁵⁷

Помимо манифестаций во время войны использовались и другие формы выражения преданности «царю и Отечеству». Популярными были адреса на имя российского монарха и ряда министров, которые поступали от разных слоев населения. В них содержались слова преданности государю, и пожелания победы русским войскам.

Газеты публиковали сообщения о самых разнообразных формах помощи. Так, министр земледелия и государственных имуществ, заботясь «о

⁵⁶Северный Кавказ. 1904, № 97.

⁵⁷Ушаков А. В. Демократическая интеллигенция периода трех революций в России. М., 1985. С. 54.

доставлении раненым офицерам возможности провести курс лечения в хороших климатических условиях», просил разрешения отвести для этой цели свою дачу «в Императорском Никитском саду близ Ялты, и казенного дома в бывшем Хлудовском имении близ Сочи»; в Москве «...открыл свою деятельность состоящий при Дамском попечительстве комитет по оказанию помощи выходящим из больниц и лазаретов»; «в работном доме открыта вязальная мастерская по приготовлению теплых вещей для солдат действующей армии»; «Д. И. Филиппов поставил для армии 3000 пудов сухарей», за что получил благодарность главнокомандующего маньчжурской армией; в Иркутске «местным коммерсантом Второвым открыта на собственные средства, на станции «Байкал», бесплатная чайная для всех проходящих войск»; «в Строгановском училище на Рождестве» была устроена художественная лотерея «в пользу раненых, в которую пожертвованы картины многими нашими известными художниками. Было продано 1000 билетов по 10 руб.»; многие из «кронштадтских дам» изъявили желание отправиться в Японию, «чтобы ухаживать за больными порт-артурцами» и т. д.⁵⁸

Для поддержания бодрости духа воюющей армии на Дальний Восток с благотворительными концертами приезжали известные артисты. Об отношении населения к войне говорят сведения о мобилизационных мероприятиях властей. Пресса в начале войны отмечала, что «мобилизация повсюду проходит успешно».

ле войны в Маньчжурии будет раздаваться земля. 160 Необходимо учитывать, что газеты по понятным соображениям не давали информацию о тех, кто воспринимал мобилизацию как большое горе, или отказывался идти на войну. Несомненно, такие люди в России были. Это подтверждают материалы книги М. Сурина «Война и деревня», ссылаясь на слова дьякона из Московской губернии, он пишет: «тяжелые дни переживал народ во

⁵⁸«Русское слово», 1904:26 октября, 12 декабря, 30 декабря; «Новости дня», 1904,17 декабря, 31 декабря. № 107; «Московский листок», 1904,27 ноября

время мобилизации 7-12 декабря. Как только объявлено было о призыве запасных, великий плач пошел по селам и деревням. Начались спешные сборы и прощанье с родными и знакомыми... Потрясающую картину плача, скорби и отчаяния представляло провожанье 800-900 человек призывных многочисленной толпой отцов, матерей, жен, детей, братьев и сестер! Плакали все навзрыд». В книге приводятся и другие свидетельства, показывающие тягостное настроение среди крестьян, вызванное войной и мобилизацией.⁵⁹

В годы войны цензура была усилена. Отдельные материалы вообще не печатались, или появлялись на страницах газет с опозданием и искажением. Об этом свидетельствует, в частности, эпизод, приведенный в записках офицера эскадренного броненосца «Пересвет» лейтенанта В.Н. Черкасова. По его словам, «24 января 1904 г. рассыльный матрос Данышев доложил, что, заходя вечером в редакцию «Нового края» за газетами, узнал, что там спешно печатается листок об объявлении войны, и что завтра утром выйдет экстренный номер «Нового края». Однако 25 января никакого экстренного номера не было. Впоследствии, со слов редактора «Нового края» полковника Артемьева, стало известно, что объявление о разрыве дипломатических отношений с Японией, запретил печатать Наместник. Он объяснил это тем, что «инцидент скоро будет улажен, перерыв дипломатических отношений не означает объявления войны, а потому, чтобы не тревожить напрасно умы, запретил сообщать об этом».

Ограничения, введенные в отношении печати в связи с войной, приводили к тому, что население страны было весьма слабо осведомлено о событиях, происходивших на театре военных действий. Несмотря на то, что во всех газетах были ежедневные сообщения с фронтов, понять жителям России, что же происходит на Дальнем Востоке было чрезвычайно сложно. М.Сурин писал по этому поводу: «С трудом разбирается деревенский

⁵⁹Сурин М. Война и деревня. М., 1907. С. 8.

читатель в массе противоречивых и заведомо ложных известиях с театра войны и не знает чему же теперь верить».⁶⁰

Популярность газет в читательских кругах зависела от степени популярности их корреспондентов. На театре военных действий находилось более 25 специальных корреспондентов разных русских газет. Среди них был такой общепризнанный «мастер пера» как В.И. Немирович-Данченко, проявивший свои способности еще в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг. На протяжении нескольких месяцев 1904-1905 гг. он вел дневник, фрагменты из которого публиковались в бесплатном приложении к газете «Биржевые ведомости» - «Дневник войны».⁶¹

Для информирования населения газеты вводили постоянные рубрики: «Война», «В Маньчжурии», «Под Мукденом», «С морского театра войны», «На сухопутном театре военных действий», «От наших военных корреспондентов» и др. Большинство военных корреспондентов в 1904 году писали, что «серьезных боевых столкновений не было»; противник не намеревается переходить в наступление, а «намерен ждать наступления с нашей стороны»; «японцы, пытавшиеся наступать на наши передовые части, повсюду были отбиваемы огнем»; в японских войсках «наблюдается упадок энергии», а русская армия «постепенно продвигается вперед по всему фронту, занимая позиции, оставляемые японцами под напором наших войск» и т. д. Это сообщалось жителям России в то время, когда уже произошли крупные сражения, в которых русская армия вынуждена была отступить под натиском японцев. Так произошло в апреле под Тюренченом, на р. Ялу, в июне - при Вафангоу, в июле - в районе г. Лаояна, где потери русских составили около 17 тыс. солдат и офицеров, а потери японцев - 24 тысячи человек. Об истинном положении дел газеты умалчивали.

⁶⁰Сурин М. Война и деревня. 1907. Сб.

⁶¹Немирович-Данченко В. И. Из походного дневника //Дневник войны. 1904. № 2, 3;1905. № 2,28

В сентябре в результате 14-дневного сражения на р. Шахэ, понеся значительные потери, и русская, и японская армии уже не могли вести активные действия, и перешли к обороне. Газета «Русское слово», весьма оптимистично сообщала об этих событиях. В начале сентября газета рассказывала об успехах российских войск. Корреспонденты писали о том, что «в результате ежедневных стычек задерживается по 1-2 японца»; «...сотня ингушей Терско-Кубанского полка в ночь на 17 сентября совершила удачный набег.. ингуши незамеченными подошли к японским шаландам на Хунхе, и сожгли 16 судов с боевыми припасами, не потеряв ни одного человека». 21 сентября сообщалось о «затишье на театре военных действий», которое продолжается «почти месяц». Но уже 23 сентября, газета извещала своих читателей о том, что, «начиная с 20-го сентября, японцы против нашего южного фронта производят усиленную рекогносцировку», что они начали наступление, «перестрелка продолжалась несколько часов, после чего японцы отступили» и т. д. В разгар сражения, 26 сентября - 2 октября 1904 г., можно было про честь: «...наши передовые части продвинулись вперед и заняли железнодорожные станции Шахе и Янтай»; «...говорят, что японцы почти везде отступают...». Никаких сведений о напряженных боях с огромными потерями с обеих сторон в газете фактически не было.

Для подъема духа армии и народных масс, газеты регулярно помещали на своих страницах «Всепопданнейшие телеграммы», которые направлял генерал-лейтенант Куропаткин на имя государя. Примером могут служить телеграммы, посланные командующим царю 11-го и 17-го декабря 1904 г. «Русское слово» 14 и 19 декабря поместило их текст на своих страницах. В первой телеграмме говорилось: «На всем фронте Маньчжурской армии поддерживается редкий артиллерийский и ружейный огонь...». Вторая информировала императора о том, что «казачий разъезд, под начальством сотника Краснянского, проникнув в район расположения противника..., наткнулся на заставу японцев силой более 20 человек. Бросившись в атаку,

разъездом было повалено пиками и зарублено около половины заставы. Два японца взяты в плен». Другие телеграммы командующего выдержаны в том же ключе. Не удивительно, что подобного стиля придерживались многие периодические издания, имевшие своих корреспондентов в армии. Подобные сведения не могли не успокаивать жителей России, вселять уверенность в скорой и неизбежной победе русских войск.

Одной из самых героических и трагических страниц войны стала оборона Порт-Артура. Этому событию газеты также уделяли немало внимания. Как и сообщения с фронтов, сведения, поступающие из Порт-Артура, были далеко не полными. Часто газеты использовали материалы иностранных корреспондентов, имевших доступ к информации подчеркнутой из японских источников. С самого начала событий, связанных с обороной Порт-Артура, газеты, информируя своих читателей, пытались уверить их в том, что Порт-Артур сумеет выстоять. «Приазовский край» в июне 1904 г. писал, со ссылкой на петербургские газеты, что положение русского флота в Порт-Артуре «теперь несравненно более блестяще и более благоприятное, чем в первые дни после предательского нападения японцев - 4 месяца назад. Наоборот, положение эскадры адмирала Того значительно ухудшилось»⁶² «Русское слово» почти ежедневно писало о том, что происходит в крепости, делая упор на героическом поведении ее защитников.

В октябре тон газеты несколько изменился. Сообщалось, что блокада Порт-Артура, «в котором находится 5.000 человек, ... поддерживается весьма энергично». Японцы перехватывали все суда и даже джонки, которые пытались вырваться из крепости. Газета писала, что у ее защитников «теплой одежды нет, особенно ощущается недостаток в обуви; солдаты частью носят китайские башмаки, частью ходят в портянках... Гарнизон истощен непрерывной борьбой. Город переполнен ранеными. Муки много. Свежее мясо получается от убоя лошадей, мулов и ослов...» 20 октября

⁶²«Русское слово», 1904,23,28 сентября.

появились сведения о намерении японцев «обрадовать мика до военным успехом в день рождения 21 октября». Однако предпринятые но вые штурмы не увенчались успехом. Форты японцам занять не удалось. Ноябрьские номера газет были полны противоречивыми сообщениями о событиях в Порт-Артуре. Писали о том, что «японцы завладели русскими траншеями перед двумя фортами», и одновременно, что «японцы потерпели несколько крупных неудач на прошлой неделе, и продвигаются не так скоро, как ожидали», что «все форты находятся в наших руках» и т. д.⁶³

Разобраться несведущему в военных делах читателю в том, что происходит в крепости, было сложно. В декабре появились тревожные сообщения о том, что боевые припасы в Порт-Артуре на исходе; «порт-артурская эскадра гибнет медленной смертью, расстреливаемая с роковой высоты в 203 м»; «Пересвет», «Паллада», «Ретвизан», «Полтава» и другие суда, «либо попорчены пожарами и попавшими в них снарядами, либо затонули»; после того, как «японцы взорвали большую мину под частью северного форта..., пехота заняла форт»; «положение гарнизона становится отчаянным», и «со дня на день можно ожидать сдачи крепости».⁶⁴

Оповещая читателей в России о положении дел в Порт-Артуре, газеты, как и ранее, писали о храбрости и героизме, проявляемой его защитниками. «Новости дня» отметили: «Военный гений комендант крепости генерал Смирнов дорого продает каждую пядь земли Артура. Его личная храбрость и самоотверженность вдохновляют гарнизон и ведут его к новым подвигам»; «Дух войск по-прежнему превосходит: они решили бороться до последнего человека».

Всть о падении Порт-Артура вызвала настоящее потрясение. Газеты и журналы разных направлений с возмущением писали о сдаче Порт- Артура, который мог еще сопротивляться врагу, о предательстве Стесселя и Фока. В ⁶³«Русское слово», 1904, 9,11, 13,20,23-25 октября.

⁶⁴«Русское слово», 1904,4, 5,21 декабря.

числе виновников называли и генерала Куропаткина. «С падением Порт-Артура, - писал военный публицист В. Новицкий, - все почувствовали, что утрачен какой-то внутренний смысл нашей борьбы с Японией и с этого дня... вся страна стала отворачиваться от этой войны, как от какого-то скучного, всеми надоевшего и безнадежного предприятия...». 195 Сведения о мужестве солдат, матросов и офицеров, которые неоднократно проявляли массовый героизм и стойкость, не могли смягчить чувства горечи от поражений русских войск. Неудачи русской армии, очевидная некомпетентность военачальников, безусловно, отразились на общем умонастроении российского общества. Существовавшая в нем в начале войны уверенность в непобедимости русского оружия была жестоким образом обманута. Разочарование и горечь оказались еще сильнее оттого, что поражение было нанесено «маленькой и отсталой» азиатской страной. Вот как вспоминает эту атмосферу известный в России начала XX века либеральный деятель, писатель, культуролог СЕ. Трубецкой, бывший в 1905 г. четырнадцатилетним мальчиком: «Еще куда тяжелее, чем поражения, переживались мною ... сдача Порт-Артура... Душевные раны от военных поражений, в конце конов, затягиваются и заживают; память о геройстве и позоре навсегда остается живой: она возвышает душу или невыносимо жжет ее...»⁶⁵

Простому человеку, свято верившему печатному слову, было трудно понять, почему газеты, еще вчера писавшие о том, что крепость выстоит, на другой день после падения Порт-Артура начали обвинять в сдаче крепости всех подряд. Действительно, после сдачи крепости начались поиски виновных. В тех же газетах, которые не могли по условиям цензуры, либо по другим причинам давать подлинную информацию, появились статьи, авторы которых возмущались публицистами, «морочившими головы» публике, или «ложно понимающими свой долг», или «фальшиво понимающими истинный

⁶⁵Трубецкой СЕ. Минувшее. М., 1991. С.50.

патриотизм». «Новости дня», 21 декабря в заметке «Порт-Артур пал...» писали, что «эта печальная весть явилась несколько неожиданной... Мы столь ко раз читали, что все штурмы отбиты, что все форты в наших руках! ...А между тем для людей, умеющих читать и желающих трезво вникать, было очевидно, что никакой героизм гарнизона не спасет многострадальной крепости, что медленно, но постепенно и верно японцы приближаются к цели».

Падение Порт-Артура привело к росту недоверия населения страны к правительству. М. Сурин писал, что народ «покорно переносил тяготы войны, наивно веря всем донесениям о наших мнимых победах; но вот оказывается, что все это была ложь, что побед никаких не было, а были и есть одни только поражения. — Что же это значит, думает подавленный обыватель и произносит слово - «измена»!⁶⁶

Подобное отношение народа к своему правительству подтверждается произведениями, популярными в народной среде. После капитуляции Порт-Артура начали появляться анонимные переделки популярных в народе песен, под заглавием «Солдатская песня». В них критике подвергались не только Стессель, сдавший крепость, но и царь. Политическая атмосфера в России начала накаляться не только оттого, что война привела к заметному ухудшению материального положения масс. Несомненно, сказывалось и чувство стыда за тех, кто не может на Дальнем Востоке добиться победы.

После капитуляции Порт-Артура надежды русского общества вновь были устремлены на русскую армию. В тылу считали, что следующее крупное сражение в Маньчжурии обязательно принесет победу русскому оружию. М. Сурин писал, что когда война приняла «худшее положение для России и за тронула народное самолюбие, ... народ стал высказываться за продолжение

⁶⁶Сурин М. Указ. соч. Сб.

войны с победоносным окончанием, чтобы другие народы не смеялись над нами». ⁶⁷

Накануне крупнейшего в истории русско-японской войны Мукденского сражения газеты вновь, как и прежде, успокаивали общество, уверяли, что победа неминуема. В течение ноября - декабря 1904 г. информация газет сводилась к фразам: «Положение на театре военных действий по-прежнему не определенное»; «под Мукденом без перемен»; «на позициях затишье ..., раненых почти нет..., люди сыты, бодры, здоровы...»; «каждый день - могучий приток свежих сил в армию из России», «каждый день увеличиваются наши силы»; «с нашей стороны продолжаются лихие набег», «наши охотники продолжают захватывать ежедневно полузамерзших японцев». Судя по публикациям в газетах, обстоятельства военного времени не мешали россиянам проявлять обычное для праздничных дней веселье. Одно временно с известиями с Дальнего Востока, газеты писали, что в тылу все спокойно, население страны традиционно шумно встретило новый 1905 год.

В начале января положение на фронте чрезвычайно обострилось. Куропаткиным была предпринята попытка прорвать слабо укрепленный левый фланг японских армий у деревни Сандепу. Об этих событиях газета «Русское слово» писала что русские войска «еще раз доказали свою чрезмерную отвагу». Корреспонденты с радостью сообщали о любом, самом незначительном успехе русских войск, и в то же время, в большинстве своем, замалчивали неудачи. расой». Военные корреспонденты почти каждую заметку о боевых сражениях заканчивали словами о героическом поведении солдат и офицеров, воюющих на Дальнем Востоке: «Пулям не кланялись, сражались геройски и погибли, как подобает воинам». «В тылу узнавали об унтер-офицере Приморского драгунского полка Аввакуме Волкове, который, переодевшись в китайское платье, пробрался в японский

⁶⁷Там же

лагерь и получил ценные сведения о неприятеле. За подвиг он получил 4 знака отличия военного ордена; многие восхищались поступком Главного уполномоченного «Красного Креста» А.И. Гучкова. Как представитель Московской городской думы он сопровождал на Дальний Восток собранные москвичами лекарства, бинты и т. п. необходимые для военных госпиталей предметы. После взятия японцами Мукдена он остался в городе, т. к. не мог покинуть госпиталь с 1500 тяжелоранеными, которых не успели вывезти. Газеты писали и о других героических поступках, совершаемых как солдатами и офицерами, так и гражданскими лицами, участвовавшими в войне. Скупая информация газет не способствовала тому, чтобы люди, не имевшие доступа к реальным сведениям о событиях фронте, могли разобраться в них. Естественно, проследить прямую связь между получаемой в тылу информацией и реакцией на нее населения, сложно. Однако известно, что после поражения под Мукденом газеты печатали сообщения о нападениях хулиганов на офицеров." Это свидетельствует о негативном отношении к армии, терпящей поражение, в определенных кругах населения. Стало очевидно, что вместо легкой победоносной войны царизм втянулся в затяжную схватку, которая принимала все более неблагоприятный для него оборот. Общество, ждавшее легкой победы в колониальной войне, не было готово к жертвам. Поражения русской армии и флота в военных операциях, изменили на строение общества. М. Сурин писал, что сначала все население было уверено в скорой победе над врагом. Однако после того как противник начал одерживать победы, «народ инстинктивно чувствует какой-то у нас недостаток и часто вслух хвалит врага». Крестьянин Ф.А. Пашук, житель Клинского уезда Московской губернии говорил: «значит у них сила порядочная, коли все наших бьют». Автор отметил, что, по мере того, как война принимала затяжной характер, сельские жители утратили интерес к тому, что происходит далеко от дома, на Дальнем Востоке. Он приводит слова крестьянина Ив. А. Вертелина, жителя Подольского уезда: «На местной жизни и благосостоянии населения война ни на чем не отразилась.

В начале войны все находились в возбужденном состоянии, где ни послушаешь - все про войну говорят, а теперь перестали ею интересоваться, особенно же те, у которых никого нет на вой не». Приводятся и другие высказывания крестьян, выдержанные в иной тональности: «Война во всем вызвала застой, жить трудно и даже невыносимо», «Душевное настроение соответствует ходу войны», «Война нам принесла много бедствий и много слез» и т. Д

Об изменившемся отношении к войне, по мере того, как русские вооруженные силы терпели поражение за поражением, говорит и изменившийся тон фольклорных произведений. В песнях и частушках отражалось отношение к тем, кого в России считали виновниками неудач на фронте. Среди них был главнокомандующий генерал Куропаткин. Были популярны такие частушки:

«Куропаткин-генерал
Все иконы собирал.
Пил да ел, да жарил кур –
Протранжирил Порт-Артур»⁶⁸

Изменившееся отношение общества к войне проявлялось и в том, что газетам стали все чаще появляться критические публикации о положении дел в армии, хотя, в большинстве своем, они касались частных недостатков. «Русское слово» сообщило, что на Сибирской магистрали «пропало свыше 350 вагонов с грузом теплого платья и припасами, принадлежащими как частным отправителям, так и ... офицерским экономическим обществам». Газета «Новости дня», в рубрике «По России», поместила заметку корреспондента из Волыни, в которой говорилось, что «некоторые воинские поезда, предназначенные для перевозки новобранцев..., состояются из вагонов, приспособленных для перевозки 12 лошадей или 48 солдат». Та же газета писала о том, что « по слухам, существует целая организация,

⁶⁸Частушки. М., 1990. С. 137.

перепродающая вагоны по назначению в Иркутск и Харбин. ... Для одних нет вагонов, приходится ждать месяцами и неделями; для других есть... Известны имена лиц, у которых можно получить вагоны с приплатой»

Заключительным аккордом войны стало Цусимское сражение. В район боевых действий прибыли 2-я и 3-я Тихоокеанские эскадры, принявшие бой у острова Цусима 14-15 мая 1905 г., который, как известно, был проигран. Поражение в Цусимском сражении вызвало в России массовое недовольство. Оно произошло в условиях начавшейся в январе 1905 г. первой русской революции. Правящим кругам не удалось отвлечь народ от внутренних неурядиц. Война способствовала обострению всех противоречий в стране, привела к глубокому политическому кризису. Увеличилось количество рабочих демонстраций, около трети из которых носили антивоенный характер. В городах Центральной России, Польши, Украины, Грузии, Латвии прошли массовые демонстрации под антивоенными лозунгами, в которых участвовали рабочие, врачи, учителя, инженеры. Антивоенные настроения получили также заметное распространение среди студенчества. Подтверждением этого является тот факт, что собрание студентов Харьковского ветеринарного института в своей резолюции записало, что война является «ненужной, не справедливой, разорительной для русского народа», одной из форм «произвола самодержавного правительства, единственного виновника всех ужасов на Дальнем Востоке». В ряде российских университетов произошли митинги, сходки, демонстрации под лозунгами прекращения войны, свержения самодержавия, установления демократической республики, созыва Учредительного собрания.⁶⁹

Источниками информации о событиях, происходивших на театре войны, являлись письма с фронта. Письма солдат, матросов и офицеров-участников

69Иванов А.Е. Российские университеты и русско-японская война. - в кн. Проблемы отечественной истории. 4.1. М.,1973; Ушаков А. В. Революционное движение демократической интеллигенции в России. М., 1976. С. 163-167.

боевых действий, содержали емкую информацию, позволявшую жителям тыла более объективно судить о положении русской армии и флота на Дальнем Востоке. Они хорошо передавали настроение участников военных действий. Естественно, что в тылу писем ждали, их много раз читали, пересказывали из уст в уста. Несомненный интерес вызывают письма морского офицера В.Н. Черка сова, адресованные его жене О.А. Черкасовой, служивший артиллеристом на эскадренном броненосце «Пересвет», а затем на крейсере «Севастополь», он вел дневник. На его страницы заносились и тексты писем, обращенных к жене. Возможность писать предоставлялась крайне редко, поэтому письма кроме даты содержат пометы: «10 часов утра, 4 часа дня» и т.д. Письма Черкасова - бесценный источник о событиях, происходивших в Порт-Артуре с самого начала войны. Они помогают понять отношение в офицерской среде к командирам, войне, японцам и т. д. Непосредственный участник обороны крепости дает детальное описание того, что произошло в ночь на 27 января 1904 г. Тогда, как известно, японские миноносцы напали на русские корабли, стоявшие на внешнем рейде Порт-Артура, и серьезно повредили броненосцы «Цесаревич» и «Ретвизан» и крейсер «Палладу». «Нас всех так поразило неопишное нахальство японцев — без объявления войны явиться в Порт-Артур и произвести атаку, а главное, потеря двух сильнейших броненосцев нашего флота, что мы всю ночь беседовали об этом», - записал офицер в дневнике.⁷⁰

Война не смогла заглушить классовые противоречия в стране. На протяжении 1905-1907 гг. происходили многочисленные выступления недовольных царским режимом слоев населения. Сюжеты, связанные с забастовками рабочих, восстаниями крестьян, митингами и демонстрациями интеллигенции достаточно полно изучены советскими историками, писавшими о событиях 1905-1906 гг. среди россиян, не участвовавших в войне, наблюдалась заметная эволюция в отношениях широких слоев

⁷⁰Из истории русско-японской войны 1904-1905 гг. Сб. материалов к 100-летию со дня окончания войны. СПб., 2005. С. 17-18; 36.

населения к японцам. Если в начале войны большая часть населения страны поддержала царя, участвуя в патриотических манифестациях, оказывая материальную и моральную под держку воюющей армии и флоту и т. д., то уже к концу 1904 г. заметны были проявления негативных настроений по отношению к тем, кто командовал вооруженными силами страны, терпящими одно поражение за другим. При этом проявился весьма широкий спектр оценок и чувств по отношению к противнику: ненависть к жестоким «азиатам» и «иноверцам», при одновре менном уважении к их храбрости, восприятие иной социокультурной среды, со смешанным чувством — любопытства, снисходительности, европейского высокомерия.

Заключение.

Русско-японская война явилась одной из ключевых точек российской истории. Особенно интересны те изменения, которые она внесла в общественное сознание России.

Для начала 20 века в целом было характерно резкое усиление роли прессы как средства идеологического воздействия, как инструмента формирования, а во многом и проявления общественного мнения. Данная тенденция была осмыслена как обществом, так и правящими кругами — и получила свое развитие именно в период Русско-японской войны, когда впервые была предпринята крупномасштабная попытка сознательного формирования общественного мнения в нужном для «верхов» ключе. Средствами для этого служили подбор позитивной информации о ходе боевых действий, создание позитивного образа командования русской армии и флота и в первую очередь командующего Маньчжурской армией А.Н. Куропаткина, освещение происходящих событий под углом «соответствия стратегическим планам командующего», а так же использование пропагандистских материалов и обращение к героическим страницам войны. Пропаганда войны не была однозначным «произведением» правительства.

«Позитивный» подход в освещении войны соответствовал не только позиции правящих кругов, желавших явить обществу «маленькую победоносную войну», но и настроениям в самом обществе. Япония, представлявшаяся ничтожным, «варварским» противником, «желтолицым карликом», с точки зрения россиян должна была пасть под первыми же ударами героической русской армии и флота. Оценка нападения на Порт-Артурскую эскадру без объявления войны как «коварного», «подлого» только усиливало эти настроения. «Япошки», посмеявшие оскорбить Россию, должны были получить соответствующее наказание. В эту же «копилку» легло и муссирование (еще со времен Вл. Соловьева) «желтой опасности», т.е. стремления Японии к объединению всей «желтой расы» под ее

лидерством и изгнанию европейцев из стран Азии (последнему находилось масса подтверждений и в японской прессе).

В итоге первоначальный отклик общества на войну - это «ура-патриотизм», негодование на врага, желание как можно быстрее его разгромить. Антияпонские, «ура-патриотические» мотивы с началом войны активно зазвучали со страниц газет, они же демонстрировались в ходе многочисленных манифестаций, демонстраций, вокально-литературных вечеров, адресов на Высочайшее имя и на имя командующего Маньчжурской армии А.Н. Куропаткина.

Усилия правительства по формированию общественного мнения не были безрезультатными; в ряде случаев они имели весьма долговременный эффект (пример тому - «Варяг», чей подвиг начали воспевать во время войны и продолжают воспевать и сто лет спустя), в других — способствовали тому, что общество даже после неудач и отступлений продолжало оставаться в плену иллюзий относительно русской армии и флота и/или ее военачальников (особенно А.Н. Куропаткина).

Однако общая стратегия изображения войны исключительно в «розовом цвете» оказалась для правительства губительной - когда масштабы поражений и разгрома оказалось невозможно уже более скрывать (как в случае с падением Порт-Артура), общество впало в состояние шока, полностью утратив и доверие к правящим кругам, и само желание и готовность продолжать войну.

Данная тенденция усиливалась еще и тем, что война принесла населению страны, особенно Сибири и Дальнего Востока, реальные трудности. Проблемы, вызванные войной (от невозможности оказать должную помощь раненым и семьям запасных до катастрофического роста цен и продовольственных кризисов) сразу оказались в центре общественного внимания и не сходили со страниц газет всю войну. При этом в восприятии населением региона войны и связанных с ней проблем четко прослеживаются две «линии».

С одной стороны, война осмыслялась в народном сознании как некий долг, требующий от воинов доблести и чести на полях сражений, а от гражданского населения — усилий по содержанию раненых, помощи семьям запасных нижних чинов и т.д. Пожертвования на эти нужды собирались в течение всей войны, даже тогда, когда она стала крайне непопулярной, и составляли значительные суммы.

С другой стороны, общество явно оказалось неготовым к тем жертвам (материальным и моральным), которые война от него потребовала, критичность в отношении войны, нежелание ее продолжать росли не только по мере увеличения наших военных неудач, но и по мере увеличения экономических трудностей.

С весны 1905 г. осознание того, что война означает экономическую катастрофу для региона, стало главным аргументом за ее прекращение, и активно использовалось в идеологической борьбе сначала региональной, а позже и центральной прессой. Произошло и общее «полевение» средств массовой информации: практически все издания, кроме откровенно монархических, стали выступать за немедленное прекращение войны и проведение внутренних реформ. В качестве главного виновника тяжелых поражений России пресса называла существующий государственный строй.

Весьма характерной, в этой связи, была и эволюция «образа врага» - Япония из «желтолицего карлика» превратилась в достойного и сильного противника, с армией европейского уровня. Более того, после падения Порт-Артура, а особенно после Мукдена и Цусимы на роль врага в глазах общества стали претендовать уже не столько японцы, сколько русское самодержавие.

Таким образом, Русско-японская война наглядно продемонстрировала, как и за счет чего, власть может потерять «кредит доверия» со стороны общества. Она же показала «пределы прочности» традиционного общества. Крайне печально, что уроки, вынесенные в ходе Русско-японской войны, не были усвоены властью, движение по «наклонной плоскости», которое

началось в ее ходе, продолжилось и дальше. Для общества стали очевидны неспособность и/или нежелание центральной власти решать вызванные войной проблемы.

Список использованных источников и литературы

Периодическая печать.

1. Летописи войны с Японией. 1904 г
2. Русский вестник 1904. 1905 гг.
3. Русское слово 1904, 1905 гг.
4. Сибирская Жизнь 1904, 1905 гг.
5. Восточное Обозрение 1904, 1905 гг.

Мемуары:

1. Апушкин, В.А. Куропаткин. Из воспоминаний о русско-японской войне В.А. / В.А. Апушкин. - СПб.: [б.и.], 1908. - 219 с.

Апушкин, В А. Русско-японская война 1904-1905 гг. / В.А. Апушкин // Из истории русско-японской войны 1904-1905 гг.: сборник материалов к 100-летию со дня окончания войны / авт.-сост. Е.М. Османов — СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. - 468, [2] с.: ил.

- 3 Дружинин, К.И. Исследование душевного состояния воинов в разных случаях боевой обстановки по опыту русско-японской войны 1904-1905 гг. / К.И. Дружинин. - СПб.: Русская скоропечатня, 1910. - 147 с

4. Теттау Э., фон, барон. Куропаткин и его помощники. Поучения и выводы из русско-японской войны, сост. бароном фон Теттау, состоявшим во время войны при русской армии / Э. Теттау; [с нем. пер. М. Грулев, ч. 1-2]. - СПб.: Березовский, 1913-1914. - 2 т.

Литература:

1. Айрапетов О.Р. Пресса и военная цензура в русско-японскую войну // Русско-японская война 1904-1905 гг. Взгляд через столетие. Международный исторический сборник. М., 2004.

2. Константинов А.И., Иванов Д.В. Военная цензура как условие победы // Воен.-ист. журнал. - 2000. - № 4.

3. Суворин А.С. Русско-японская война и русская революция. Маленькие письма 1904-1908 гг. М., 2005

4. Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006
5. Сурин М. Война и деревня. М., 1907.
6. Ушаков А. В. Демократическая интеллигенция периода трех революций в России. М., 1985
7. Немирович-Данченко В. И. Из походного дневника //Дневник войны. 1904
8. Иванов А.Е. Российские университеты и русско-японская война. - в кн. Проблемы отечественной истории. 4.1. М.,1973;
9. Ушаков А. В. Революционное движение демократической интеллигенции в России. М., 1976
10. Из истории русско-японской войны 1904-1905 гг. Сб. материалов к 100-летию со дня окончания войны. СПб., 2005. С. 17-18; 36.
11. Горелов Ю.П. Сибиряки на защите Отечества в войнах начала XX века. - Кемерово, 2003
12. Авдеев В.В. Организация военной разведки в годы Русско-японской войны // Русско-японская война и геополитические проблемы современной России. Новосибирск, 2004
13. Деревянко И.В. «Белые пятна» Русско-японской войны. М., 2005
14. Павлов Д.Б., Петров С.А. Японские деньги и русская революция. Русская разведка и контрразведка в войне 1904-1905 гг. Документы / сост. И.В. Деревянко. М., 1993
15. Павлов Д. Российская контрразведка в годы Русско-японской войны // Отечественная история. – 1996
16. Шацилло В.К., Шацилло Л.А. Русско-японская война 1904-1905 гг. (факты, документы). М., 2004
17. Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX в. М., 1973
18. Пономарев И.И. Герои «Варяга». М., 1954.
19. Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895-1907. М.; Л., 1955.

20. Сорокин А.И. Оборона Порт-Артура. Русско-японская война 1904-1905 гг. М., 1948; Сорокин А.И. Русско-японская война 1904-1905 гг.: военно-исторический очерк. М., 1956
21. Левицкий Н.А. Русско-японская война 1904-1905 гг. М., 1936;
22. Григорьев, С.И. Основы неклассической социологии: новые тенденции развития культуры социологического мышления на рубеже XX - XXI веков / С.И. Григорьев. - М.: Русаки, 2000
23. Исакова, Е.В. Русское военное духовенство в войне с Японией 1904 - 1905 гг. / Е.В. Исакова // Из истории религиозных, культурных и политических взаимоотношений России и Японии в XIX - XX веках: сб. научных статей. - СПб.: Фонд по изучению истории Православной Церкви, 1998